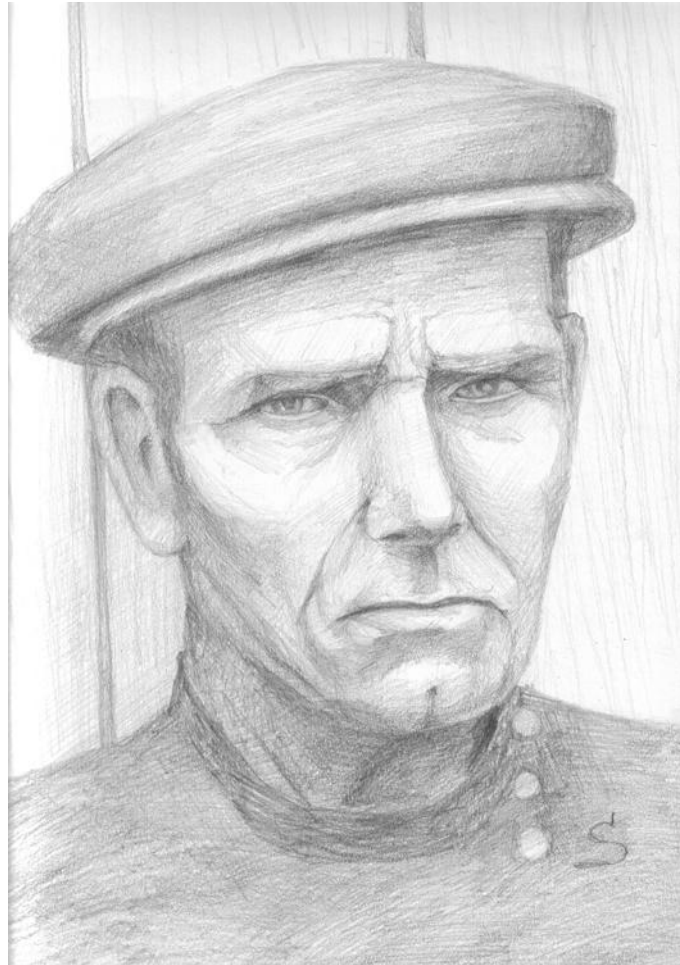

Ерошкин – предсказатель из Кувая (повесть)¹

Повесть написана на основе подлинных текстов, зафиксированных от реальных рассказчиков. Некоторые имена персонажей и названия населенных пунктов изменены по этическим соображениям

Глава 1. Смена декораций

Работа учителем сначала пошла просто великолепно. Денег, конечно, платили ужасно мало, но с детьми было так интересно, что я забывал во время уроков обо всем на свете. Романтические и, надо сказать, несколько самонадеянные идеи - в основном, о том, как преподавать, чтобы по-настоящему заинтересовать своих учеников, - реяли в моем уме, подобно флагу на здании местной администрации; однако директор пригородной школы - дама в годах - умело и достаточно жестко «приземляла» меня.

---

¹ Впервые опубликовано: журнал «Симбирск», Ульяновск, 2013. №5. С. 52-73.

- До вас преподавали так, как следует, и после вас будут учить не хуже. Мне несколько не интересно, что там понарасказывали в вашем вузе, но здесь вам не университет, а школа! Понимаете? И будьте уж так любезны, Петр Федорович, - обойдемся без этих ваших... ини-ци-а-тив, - таким внушением она не раз сопровождала мои «открытые» уроки. После этого я еще несколько раз пытался опробовать какие-то новые формы - уроки-экскурсии, уроки-театральные представления... но постепенно почувствовал, что мною овладевает какое-то рабоче-рутинное настроение, и в конце концов (полтора года спустя после начала учительской карьеры) меня неотступно стала преследовать мысль об уходе из школы.

Насколько я помню, спецкором сурской районной газеты я стал почти случайно: отцовский двоюродный брат Алексей Сергеевич Тихонов (папа любил его между нами называть «Тихоня» - так дядю прозвали еще в школе) заехал как-то к родителям и рассказал о том, что им в «районку» требуется журналист.

- Мне кажется, Петь, ты бы смог - ведь словом ты владеешь: все-таки учитель русского и литературы. Поживешь сперва у меня, а там, глядишь, мы тебя и обженим! - говорил он, держа в руках «рюмку чая» - свидетельство родительского гостеприимства. Дядя умел подбирать в общении со мной такие тон и слова, что я всегда сомневался: шутит он или вполне серьезен. Тем не менее слова его задели меня за живое. Я не спал всю ночь после того, как Тихонов уехал назад в Сурское.

- Районная газета? Чем же это хуже пригородной школы? В конце концов, слава Богу, я пока один - ни жены, ни детей нет. Почему бы не попробовать? - размышлял я, ворочаясь с боку на бок.

Колебался я еще три дня, а затем позвонил дяде.

***

Главным редактором оказалась женщина лет сорока пяти, к которой я почти сразу же почувствовал искреннее расположение. Она имела привычку говорить со своими подчиненными так, будто извинялась перед ними за необходимость что-то сделать для газеты.

- Вы, Петр, пока, наверное, просто осмотритесь, почитайте нашу подшивку - чтобы понять, как и про что мы обычно пишем, - сказала она мне в первый день моей трудовой деятельности. Я немедленно последовал ее совету, и дня три корпел над редакционным архивом. Газета выходила всего раз в неделю (стандартный восьмиполосник), а в коллективе было аж 4 журналиста - включая редактора. Это означало, что на работе у меня регулярно образовывалась уйма свободного времени. Все это не могло не радовать...

Газета создавалась вполне в духе «советского реализма», чего, конечно, уже почти нельзя было встретить в городе. И именно тогда, в первые же дни пребывания на новом рабочем месте, я наткнулся на заметку, с которой - без

преувеличения – и началась жизнь, совершенно не похожая на ту, какую я вел раньше.

– Село Большой Кувай издавна славилось своими мастеровитыми людьми, – так начиналась эта статья. Прочитанная фраза почти сразу же убила всякий интерес к заметке: я по привычке скользнул строчки «по диагонали» и почти в самом конце наткнулся на следующее: «Были в селе даже свои предсказатели и провидцы. Так, многим еще памятен Иван Кузьмич Ерошкин. К нему в свое время приезжали даже из других областей. Знали, что Кузьмич обязательно поможет».

Я больше внимания обратил на неудачный повтор словечка «даже» в процитированной фразе, чем на смысл прочитанного и почти тут же забыл об этом.

Однако уже через несколько дней фамилия Ерошкина снова всплыла – на этот раз в разговоре с моим дядей. Это вышло у него так естественно, что я не сразу попросил пояснить сказанное.

– У нас не город, конечно, но ты, Петь, человек образованный...

– И холостой! – с подозрительной серьезностью добавила супруга дяди – Марья Игнатьевна.

– И холостой, – подтвердил Тихонов. – Я не Ерошкин, но думаю, что все у тебя срастется-сложится!

– Да куда он денется! И жилье найдем, и жену хорошую приглядим – парень-то он непьющий. Курит только вот! – снова вмешалась тетя Маша.

– Ну, это не помеха! – улыбнулся дядя. Стали пить чай. Я воспользовался паузой в разговоре и спросил про Ерошкина.

– Да был тут у нас в Кувае один предсказатель. Не слыхал про него? К нему и из Ульяновска, и из Мордовии приезжали... – пояснил Тихонов.

– Да отовсюду! Его все, все знали – старика-то кувайского! – напомнила о себе тетя Маша, но тут мы перешли на другую тему, и я решил вернуться к этому позднее.

«Позднее» случилось лишь через несколько месяцев...

Работа в газете пришлась мне вполне по душе: почти ежедневно я встречался с новыми людьми, разъезжал по району, расспрашивал и фотографировал. Все это настолько отличалось от бесконечной бюрократии пригородной школы – планов к урокам, заполнения каких-то отчетов и журналов, постоянного давления со стороны директора, что в первое время я воспринимал свою новую деятельность просто как отдых – и для души, и для тела.

На третий месяц моей жизни в райцентре удача снова улыбнулась мне: неожиданно появилась возможность получить совершенную автономию от дяди. Как бы хорошо его семья ни относилась ко мне, я все-таки несколько тяготился статусом постоянного гостя. Случилось так, что на соседней улице умерла восьмидесятилетняя баба Маня Лаврентьева (по слухам – «от

давления»). Ее родственники, живущие в городе, не знали, как поступить с неожиданно доставшимся наследством и выставили избу на продажу – по смехотворной цене.

– Потом отдашь как-нибудь! – говорил мне дядя, который взял дело, связанное с покупкой дома, в свои надежные руки. Стоимость двухкомнатной избушки и впрямь была столь небольшой, что я рассчитывал вернуть родственникам деньги в какие-нибудь полгода.

– Теперь ты уж точно жених – да еще и с приданым! – не уставала шутить на одну и ту же тему Марья Игнатьевна.

Я переехал в свой дом через неделю (дядя, кстати, снабдил меня кой-какой мебелью), так что я наконец-то к двадцати пяти годам мог с полным правом утверждать, что стал полностью самостоятельным человеком.

Через несколько дней, сидя вечером за письменным столом в своей небольшой избенке, я снова вспомнил о таинственном кувайце.

– Надо бы попробовать собрать о нем информацию – глядишь будет лишняя тема для очередной газетной статьи, – лениво подумал я и уже почти собрался заснуть, как мысли вновь сами собой вернулись к Ерошкину.

– Почему я думаю о нем? Что мне до него? – с какой-то смутной тревогой спрашивал я себя. Промаявшись на старой кровати еще час, я поспешно вскочил и начал рыться в подшивке «районки». Почти до трех часов ночи я искал еще хоть какие-нибудь сведения о предсказателе, но ничего не обнаружил – кроме уже упоминавшейся крохотной заметки.

– Завтра на работе поищу в Интернете. И опрошу всю редакцию по этому поводу, – решил я. И только после этого «благодатный сон смежил мне веки».

***

В «электронном пространстве» я наткнулся лишь на одно упоминание о ворожце – в городской газете пятилетней давности. Зато в моей редакции о нем знали все. Мало того: самая пожилая из нас – шестидесятилетняя уборщица Василиса Васильевна – рассказала мне, как однажды сама наведлась в дом Ерошкина.

– У нас корова пропала. Я тогда жила в Астрадамовке – там недалёчко до Кувая-то, – певуче говорила она. – Я еще школу только закончила. Вот мы и поехали к Кузьмичу с матерью: ты что, кормилица пропала! Приехали – он все чин-чином, еще в то время неслепой был, принял нас. Я-то в сенях стояла, всего не видала, а с ним вроде как его жена – Марией звали, ага. Мне мать потом говорила: «Залез он под дерюжку какую-то, и кричит: корова у вас пропала!». А мы ведь заранее с мамкой решили – мол, не скажем ничего, проверим: догадается иль нет. А он, вишь, кричит с-под одеяла-то: «Пропала, значит. Если, – говорит, – прям щас побегёте в сторону Сурского, к Араповке ближе, то нагоните – и корову, и воров!». И что же – догнали. Нашли корову-то!

Потом я много раз записывал похожие истории по всему Сурскому району и уже как-то свыкся с тем странным ощущением, что охватило меня, когда я слушал непритязательное повествование Васильевны. Сейчас мне трудно это объяснить подробнее – возможно, многое станет яснее из последующего рассказа. Одно можно сказать наверняка: острое чувство неслучайности происходящего, которое возникло у меня в тот день, не оставляло меня и в дальнейшем.

Глава 2. Никола вешний

О празднике на Никольской горе, который приходился на конец мая, я слышал от родителей. Несколько раз я даже хотел приехать на Николу вешнего в Сурское, но всё как-то не получалось. Теперь же, что называется, «сам Бог велел».

Согласовав с редактором, что «черкну» о празднике репортаж, я отправился на знаменитый холм, возвышающийся на окраине поселка. Было часов 9 утра, но паломники уже оккупировали гору с разных сторон: поток перемещающихся людей (как пешех, так и сидящих в автомобилях), казалось, никогда не кончится.

– Потрудиться надо, сынок! Вот службу отстоим, водички возьмем, в гору подыдемся – оно и хорошо будет, – говорит мне одна из бабушек – моя временная сопутница. По достаточно крутому склону холма, спускающемуся к Суре, «залазят» специально – для того, чтобы «Бог помог», излечил-исцелил, а то и просто – чтобы желания исполнились. Ветви многих деревьев вокруг горы сплошь увешаны разноцветными тряпочками; вешают их все – от мала до велика. Объяснения этому даются приблизительно те же: чтобы Бог помог, чтобы желание сбылось.

Ближе к полудню к нескольким купальням и водным источникам выстраивается многолюдная очередь. Сверху она напоминает удивительную гусеницу, волнообразно пульсирующую зелеными «волосками»: приехавшие отовсюду паломники пытаются свежесломанными ветками отогнать докучливых комаров, которых здесь видимо-невидимо.

Я присоединился к тем, кто жаждал приобщиться к святой воде. В руках у меня, правда, не было пластиковой или стеклянной бутылки, что немного отличало меня от остальных. Но я-то ведь пришел сюда совсем за другим...

– Ерошкин? – откликается на мой вопрос одна из словоохотливых бабушек. – Как же, слышали, слышали. Я вот что скажу тебе, сынок: угадывал он, угадывал – без никаких... Не сомневайся даже! – бабушка поправляет платок, не переставая отмахиваться веткой от надоедливых насекомых. – У меня сноха Надька работала продавцом в Белом Ключе, и вот кого-то увидела в окне – из чужих, из приезжих. Испугалась, дурочка, и сунула выручку куда-то – уберечь хотела. Ага. А как опомнилась на следующий день – так, убей Бог, не может вспомнить, куды деньги дела. Все обыскала, весь магазин перерыла. Ну, что

делать? А у них там водитель был не ключевский, а из этого самого – вроде как из Кувая. Ага. И какая-то даже родня Ерошкину приходился он, племянник вроде. Вот и говорит ей: «Поехали к Кузьмичу. Айда садись! Он хоть и старый, слепой уж, а мне не откажет». Ну, приехали, а Машка-то, это Кузьмичова жена, ни в какую не пускает! Как услышала про деньги, так руками и замахала: «Вы что – нас со свету изжить хотите? Тыщу раз же говорили: с кражей и убийством не приходите!» – моя собеседница по всегдашней женской привычке меняет тон, пытаюсь передать особенности строгого голоса супруги предсказателя. – Ну, да пока она с Надькой-то болтала, этот племяш-то его – к Кузьмичу и шмыгнул. Потом рассказывал: «Он кепку только на глаза надвинул и сразу сказал: “Они в темном месте у нее лежат, руки начнет мыть – и найдет!”».

Поехали обратно, а у той и ума нет: «Как, – говорит, – в темном месте? Всё ведь обыскала!». И что вы думаете? На следующий день эта, как ее – дочка Федькиной сестры, полы в сельпо мыла – стала в рукомойник воды наливать: «Да чтой-то, Надь, – говорит, – не льется?». А Надька-то, дурында, туды сверток и затолкала. Воды-то там не было – подумала, что грабить будут – так точно не сунутся туда. Ну что: высушили да сдали. А что им, деньгам-то, от этого будет? И смех, и грех!

Я слушал немного дребезжащий голосок старухи почти с наслаждением – именно там, на Никольской горе, я начал осознавать, что записываю материалы о ворожце из Кувая далеко не только для очередной статейки в своей газете. Какое-то смутное подозрение о чем-то большем начало уже тогда зарождаться во мне. Все эти детали: «надвинул на глаза кепку», жена не пускала «с кражей и убийством» – моя память тут же цепко удерживала, – с той целью, чтобы затем задать уточняющие вопросы собеседнице.

– А мне дед мой тоже говорил про него! Я тебе про теленка-то сказывала? – неожиданно вступает в разговор до сих пор молчавшая женщина, обращаясь к моей предыдущей рассказчице. Последняя в ответ кивает. – И бабка тоже всё говорила: до войны еще дело-то было. Они корову купили, а она недойна оказалась. Сначала доила, а затем – пусто вымя. Может, кто и портил там у них (они у меня с Княжухи, а я-то ждамировска сама, ага). И вот решили продать. А потом думали-думали, взяли весной бычка – чтобы на мясо к осени. А он захворал... – в это время очередь как-то всколыхнулась, что-то впереди изменилось, и мы продвинулись сразу на несколько шагов вперед.

– Из купальни вышли. Они там порциями, порциями – мужики в которой слева, а бабы-те вон в той купаются, – пояснил чей-то голос впереди нас.

– Ну, что делать? Снова поехали продавать, – продолжает женщина. – С паршивой овцы хоть клочок шерсти, как говорится. И – загремел дедка в тюрьму за это! Ага. Соседка наклеузничала: мол, кулаки мои дед с бабкой, скотиной торгуют! А в то время быстро: не успели опомниться – увезли деда Тимофея. Ведь пять лет отсидел... – рассказчица вздохнула и замолчала.

– А что же... Ерошкин-то? – осторожно напоминаю я.

– Ах ты! – оживляется снова женщина и вновь продолжает. – Так вот они его сперва в Шеевщину отправили, и он там день-другой сидел. И попал в камеру как раз вместе с этим-то стариком из Кувая. Ну, он тогда не старик был, – мужик еще. И вот дед сам свидетель: они, милиция-то, стали, мол, испытывать его. Начальник там был, говорит: «Скажи, сколько у меня мелочи в кармане?». А Ерошкин ему (кепку-то надвинул и в косяк дверной встал) и отвечает: «У тебя столько-то трехкопеечных, столько-то – по пять копеек!». Короче, всё ему, как есть, доложил. А потом... Потом уж они стали просить указать им на какех-то – лошадей кто-то воровал, в общем. А Кузьмич и говорит: «Пишите, мол, расписку, что отпустите меня – вот тогда скажу!». Ну, начальник ломался-ломался, а потом написал ему. А Ерошкин и говорит: «Сидят они в Полянках! Только вы их не возьмете. А попытаетесь – так подстрелят одного из ваших!». Те – мигом съездили. И точно в Полянках были, трое. Так ведь и подстрелили одного милиционера-то, угу...

***

Уже вечером, расшифровывая записанные на диктофон рассказы, я постепенно стал разграничивать общее и отличное в услышанных текстах, выделять то, что можно было назвать «повторяющимися мотивами». У меня начала формироваться моя «Ерошкинская коллекция». Кто бы мог предположить, что со временем этот архив разрастется почти до тысячи текстов?

Глава 3. Сурская снегурка

После Николы вешнего у нас в газете настал «горячий сезон»: в июне в отпуск ушло сразу два журналиста, кроме того, мне пришлось взять на себя еще и обязанности корректора. Рабочие будни (иногда приходилось задерживаться в редакции до глубокого вечера) как-то оттеснили на второй план тему таинственного кувайца.

Ко всему прочему, я, кажется, и впрямь начал выполнять «программу-минимум» своей тетки: в местном клубе, куда мне пришлось заглянуть как-то вечером, я познакомился с Катей. Это было восемнадцатилетнее голубоглазое создание, словно сошедшее с советской новогодней открытки, изображавшей могучего Деда Мороза и его красавицу-внучку. В то время у нее была крупная каштановая коса до пояса и совершенно детские, немного удивленные светло-синие глаза...

Она два года назад закончила школу и сейчас училась в городе – в педагогическом колледже, приезжая в Сурское лишь на каникулы. За полмесяца нашего знакомства я успел пару раз скататься с ней в Ульяновск – ходили в кино, гуляли по городу... Вечером, валяясь на кровати с книгой, я иногда спрашивал себя: влюблен ли я или всего лишь решил себе «скрасить летний сезон»? И не мог толком ответить на этот вопрос. Дело было даже не в

семилетней разнице в возрасте, а скорее в полной противоположности моих и Катиных интересов. Уже на третьем свидании я поймал себя на том, что мои разговоры с нею больше похожи на монолог: Катя предпочитала отмалчиваться, смеяться и соглашаться с тем, что я предлагал (смех ее я, правда, очень любил: у нее это выходило просто и очень заразительно).

Такое поведение совсем не походило на характер Лены, с которой я расстался полгода назад, так что я порой терялся с непривычки. С последней у нас часто все заканчивалось ссорами и обидой с ее стороны. Однако при этом она была великолепной собеседницей. Катя же была непонятна мне: причиной ее молчания, скорее, являлась пустота, чем наполненность мыслями. Впрочем, это мое мнение здорово поколебалось, когда речь зашла всё о том же кувайце. Мы заговорили о нем примерно через три недели нашего близкого знакомства.

– Ерошкин? – переспросила Катя, смотря на меня своими синими глазами. – Мне бабушка о нем рассказывала!

Я был удивлен, поскольку считал, что о предсказателе, в основном, знают люди старшего поколения, – точнее, наверное, будет сказать не «знают», а «интересуются». Так вот: Катя оказалась редким исключением из этого правила. И опять же в момент «откровений от Катерины» у меня возникло чувство неслучайности происходящего – что, кстати, меня даже немного озаботило.

«В конце концов эдак я каждое более-менее значимое событие, связанное с Кузьмичом, буду считать неслучайным, важным и т.п. Кажется, все эти «ощущения» просто надуманы мною», – решил я про себя. Тем не менее это чувство во время моего первого разговора с Катей о Ерошкине не уходило, а только усиливалось.

– И что же рассказывала бабушка? – спросил я, косясь на диктофон, как рыжий конь из песни Боярского. Она угадала это мое намерение и милостиво согласилась на запись своего рассказа. Ее повествование о Ерошкине было, пожалуй, самым длительным монологом «моей молчуньи» за все время нашего трехнедельного знакомства. Я с изумлением прислушивался к ее интонации, к тому, как она подбирает слова и выстраивает свой «текст», замечал, как она склоняет голову и легким движением руки поправляет челку... Кто знает, может, именно тогда я впервые поймал себя на чувстве, похожем на любовь к ней?

– Мой дед погиб на войне, – совсем просто начала она. – Бабушка долгое время не получала от него никаких вестей. А затем – когда в сорок втором пришла похоронка, она... она ей не поверила. Отказывалась верить. Всё ждала его – до самого конца войны верила, что он вернется. У ней только одна фотокарточка его и сохранилась: он там молодой-молодой, совсем мальчишка. Она так себя измучила этим ожиданием, что хотела даже утопиться в Суре. И вот тогда ей и посоветовали сходить к Кузьмичу. Она одна-то побоялась пойти, взяла с собой подружку – баб Веру Матвееву помнишь? А-а, ты ж не с Сурского... – Катино сожаление почему-то больно кольнуло меня в самое

сердце. – Ну, так вот: они шли, а баб Вера всегда не очень-то верила во все такое, а в молодости так вообще – «оторви и выбрось», как говорила моя бабуля, – девушка улыбнулась. – Пока они шли, она и говорит: «Да чё этот Ерошкин знает? Еще и продукты ему несем!». Бабушка взяла там яичек немного, еще чего-то: все-таки неловко к человеку с пустыми руками идти. Ну, дошли, его жена-то их впустила, а он прям на пороге им и заявляет: «Ты, грит, входи, а ты, - это он Вере-то этой, – уходи: не веришь – чё ж пришла?». Так-то! – совсем по-стариковски заключила Катерина, и я понял, что она слышала эту историю от своей бабушки очень часто: может, даже сама не раз просила старушку рассказать ей о походе к Ерошкину.

– Ну, а ей-то, бабушке – угадал? – спрашиваю.

– Ей-то? – глаза девушки стали печальны, и она так пронзительно и по-серьезному взглянула на меня, что я вздрогнул. – Угадал. Залез под одеяло и кричит оттуда: «Тебе ж пришла похоронка! Чего ходишь? Нет его. Погиб. Не вижу его совсем – значит, неживой он!» – моя собеседница помолчала некоторое время. Я предложил ей чашку чая (мы были в моей избушке; вечерело). Она согласилась. Пока я возился с чайником, я услышал, как Катя добавила вполголоса:

– Это и вправду ее успокоило: видишь, похоронкам не верила, а ему... Сказал – как отрезал.

Когда Катя ушла, я еще долго вслушивался в ее голос, записанный на диктофон, и чувствовал себя немного подавленным. Мне было стыдно: неужели только этот ее рассказ и заставил вдруг биться мое сердце сильнее? Или же я действительно влюбился в сурскую снегурку? Как бы там ни было, но услышанное от нее заставило меня в ближайшие выходные собраться в Кувай.

Глава 4. Большой Кувай: первое приближение

Говорят, между Аркаево и Большим Куваем несколько десятилетий назад находилось еще одно село – Козловка. Но я, проезжая мимо бывшего села, не заметил ни малейшего признака какого-либо жилья. Большой Кувай располагается, что называется, «в тупике» – дальше асфальтовой дороги просто нет. Рядом с ним через рощицу притулилось еще одно небольшое сельцо – Малый Кувай. От последнего осталось несколько улочек, и ясно, что пройдет еще несколько лет – и его постигнет печальная участь Козловки.

Кувай, это было заметно сразу, – когда-то действительно процветал: по рассказам, в свое время людям здесь не хватало земли – строились где только можно. Сейчас лишь заброшенные дома да останки каких-то больших зданий из красного кирпича по дороге на кладбище (явное наследие сельхозугодных советских времен) еще напоминают о былом величии.

– Ерошкин-то? Он жил на Якимовке – нарядная раньше улица была! Так вы лучше спросите про это у его внучки – тетя Саши, она здесь неподалеку живет, – поведала мне продавщица местного магазина.

Я был на седьмом небе от счастья: сама мысль о том, что у Кузьмича остались родственники в Кувае, конечно, тешила мне душу, но что в первый же свой визит я смогу встретиться с его внучкой – человеком, который, вероятно, хорошо знал его, жил с ним бок о бок, а не посещал его единожды, как все предыдущие мои рассказчики, – на такую удачу я не смел даже и рассчитывать...

Тетя Саша (как-то сложилось, что я почти сразу же стал именовать ее именно так) оказалась радушной, полноватой женщиной, которая охотно откликнулась на мою просьбу рассказать о своем дедушке. Она тут же достала кипу фотоальбомов и фотографий, бережно завернутых в целлофан.

– Это вот мой дедушка со своей первой женой – Анной и моей родной бабушкой. А Мария-то – она уж второй женой была, от нее детей у дедушки не было, – так я впервые увидел фото человека, загадочная личность которого с каждым днем интересовала меня все сильнее.

Тетя Саша рассказывала не спеша, основательно и с подлинным вдохновением: очевидно, что память о родном деду была для нее своего рода «фамильной гордостью», которая не раз становилась предметом обсуждений и «презентаций» для благодарных слушателей.

– Я в первый раз его увидела – мне лет семь было. Мы тогда жили в Оренбургской области и иногда приезжали в Кувай погостить. Он был очень добрый и работающий мужик: спина всегда в «мысле». Бригады набирал сам, и ездили они зимой в соседние города валенки валять: промысел такой был. Все село знало: если валенки «от Кузьмича» – сносу не будет. На этом деле зрение и потерял – в последние годы совсем слепой был. Когда валенки валяешь – там кислоту серную применяли ведь – вот на глаза и повлияло, – тетя Саша вздыхает и берет в руки очередную фотографию.

– Вот это наша церковь кувайска, сейчас там уж ничего не осталось, раньше большая была – колокол аж в Астрадамовке слышать было.

Моя собеседница вспоминает, как в детстве, играя с подружками, она однажды увидела плачущую женщину, которая вела за руку мальчика, едва переставлявшего ноги. «Не принял он ведь меня!» – с надрывом произнесла женщина, обращаясь, скорее, туда – в сторону дома Кузьмича, чем к играющей ребятне. А затем медленно пошла по дороге в Козловку.

Я тогда даже обиделась на дедушку: «Вот ведь, думаю, какой злой! С больным мальчиком пришла к нему, а он и не принял». Не успела я еще в избу войти, а дед только взглянул на меня и сразу говорит: «Ничего не могу поделывать, Сашенька! Она ведь сама виновата: аборт делала – вот и родила такого!». А я тогда еще совсем девчушкой была, а он, видишь, как серьезно со мной – объяснил, понимаешь? – тетя Саша поднимает на меня глаза, просветленные воспоминанием о Кузьмиче, и снова начинает перебирать фотографии.

К Ерошкину приходили и приезжали очень многие – это при том, что он «официально» и не принимал никого: наоборот отнекивался, да и его жена визитеров тоже не жаловала – особенно ближе к старости. Несмотря на это, на Якимовке всегда были гости – приходили издалека, останавливались у знакомых и соседей, дожидаясь своей очереди к Кузьмичу.

– Ведь его и ссылали сколько раз за воровку, и убить пытались! Пять раз только дом тушили – поджигать приходили. Они до того, как осесть в Кувае, где только не были! И в Москве, и в Свердловской области, и в Сибири. Только останутся, начнут обживать – земля слухом начинает полниться, и к нему один за другим приезжать начинают. Власти-то этого ведь не терпели в то время – вот и опять переезжать приходилось...

А дар-то у него этот ведь не с рождения. В германскую войну, это вот в первую которая, – у него контузия случилась, и он в Москве в госпитале лежал. Там с Анной, моей бабушкой, и познакомился.

«И вот, – говорит, – лежу я, и ко мне какой-то дедушка во всем в белом подошел и рукой по голове погладил. А рука – вот что твой утюг! Я проснулся – и кудри мои на подушке лежать остались!» – он ведь кудрявый в молодости был. Вот это он мне сам рассказывал.

И с тех пор у него и началось. Бабушка – она за ним ухаживала в госпитале, как медсестра, наверное. И вот он ей говорит: «Ты когда сюда сегодня утром шла, на тебя собака бросилась?» – в общем, всё ей пересказал, что она делала: дар у него образовался такой, – тетя Саша отвлекается от повествования и просит мужа поставить чай – чтобы угостить меня.

Я перевожу дух и проверяю технику: все ли нормально, пишет ли?

А моя собеседница снова перебирает фотографии-воспоминания.

– А потом и в госпитале прознали о нем. «Аннушка, бежать мне надо: изучать хотят, говорит, меня, золотые иглы в мозг вставлять собираются». Велел ей поездом ехать, а сам пешком решил пойти. Она ему помогла бежать... – мы садимся пить чай, тема разговора меняется – моя рассказчица говорит о Кувае, о тяжелой жизни в современном селе.

Договорившись с ней еще об одной встрече, я уходил от тети Саши совершенно счастливый. Я успел пройтись еще немного по улицам Кувае, но до Якимовки так и не добрался, поскольку последний автобус уходил буквально через полчаса. Пришлось отложить посещение места, где стоял дом Кузьмича, «на потом».

Глава 5. «Есть Бог!»

– Да Кувай-то – это вообще место такое... Там колдуны одне! – Петр Алексеевич прикуривает от моей зажигалки и деловито устраивается на лавке перед собственным домом. Я зарулил по газетным делам в Аркаево и собирался уже возвращаться в райцентр, как был окликнут с традиционной просьбой:

«Огоньку не будет?». Слово за слово – и вот я уже с диктофоном в руках, забыв о времени, беседую с моим новым знакомцем.

– Знал я Ерошкина, как же не знать. Мужик хороший был. Мне отец рассказывал, как Кузьмич однажды на Масленицу с одним помаевским боролся. Силач был местный Савка, – у них вроде как «по любви» было: кто кого. Помаевский-то первый ударил – Кузьмич зашатался, но устоял, черт, на ногах. А потом его очередь настала – так Савка с ног свалился, едва подняли, – Алексеевич снова затягивается.

– А вот, говорят, что он... предсказывал вроде? – как бы между делом спрашиваю я.

– Ворожил, что ль? – уточняет собеседник. – А то! Пол-Аркаево у него перебивало! Он ведь как: лечить-то не лечил, а вот мог угадать болезнь и посоветовать, к кому лучше обратиться. Вот скажет: «К бабкам не ходи – врачебна эта болезнь!». Значит, ехать надо в больницу – тут у нас в Астрадамовке была. Там помогут. А в другой раз: «Езжай туда-то к бабке – там, скажет в Морги (это в Мордовии) езжай, или вот в Помаево сходи – к Борькаеву. Да вот случай был: Ляксандр Иваныч Гордеев, он в Малом Кувае директором школы был. Ага. Рак у него признали, врачи уж помирать отправили. Он пришел к Ерошкину и говорит: «Кузьмич, поможешь мне – уверую в Бога!». А он как – атеист, вроде. И сам не верил, и детей тому же учил. А тут – куды деваться? Ну, Кузьмич залез там под ватулу, кричит: «Иди в Помаево к Борькаю – он тебе поможет!». А Борькай-то, Борькаев – это в Помаево был старичок такой, он сильно лечил – его тоже все знали. Шас-то уж ни старика, ни Помаева нету – распалось село, исчезло.

Ну, вот. Что ты думаешь? Пошел – и вылечился. Ага. «Божьим словом он меня вылечил, – это директор потом рассказывал. – И тебе я, Кузьмич, теперь верю. Есть Бог!» – говорит. Вот. А неужто нету? Есть Бог, конечно, есть! – Петр Алексеевич «стреляет» у меня еще одну сигаретку, и мы жмем руки на прощанье.

Глава 6. Свадьба

Мы с Катей решили подать заявление таким образом, чтобы свадьба выпала на конец августа. В сентябре начинался очередной учебный год, и моя «снегурка» переходила на третий – последний – курс педучилища. Поэтому осенью уже было не до гулянок. В местном загсе у Катиных родителей были знакомые, так что дата нашей росписи пришлась ровно на тот день, который представлялся нам самым удобным – 23 августа.

Мне казалось тогда, что каждый новый день я люблю свою «снегурку» все сильнее. Первое мое знакомство с ее родителями состоялось за месяц до того, как мы решили подать заявление в загс. Они отлично знали семью Тихоновых, что во многом способствовало благоприятному их мнению обо мне. Хотя, как

не раз потом мне говорила Катя, наша разница в возрасте весьма заботила ее отца.

– Мама говорит, что парень должен быть старше и крепко стоять на ногах. Отец же ей возражает и говорит, что лучше, когда молодые – ровесники и добавляет: «Вот как мы с тобой!». Да у них там совсем другая история: они чуть ли не с первого класса вместе за одной партой сидели. Но ведь так, слава Богу, не у всех!

– Почему же «слава Богу»? – улыбаюсь я.

– Ну, ты представь, Петь: с первого класса знать друг друга! Надоест же! – мы смеемся. Я радуюсь тому, что Катя постепенно сняла с себя «обет молчания» – пожалуй, скоро я буду ее считать «болтушкой». Она в ответ на такое мое предположение долго дулась, а затем назвала «Ерошкопоклонником». Я, услышав этот ее термин, смеялся минут десять...

Дело с расшифровкой моих записей о Кузьмиче пока застопорилось. Помимо дел рабочих, прибавились еще и предсвадебные хлопоты. Помочь, естественно, вызвались и мои родители, и дядя. Кстати, последний наотрез отказывался принять деньги за дом, и тогда я предложил считать нашу избушку его свадебным подарком. Он с удовольствием согласился, но уже тогда у меня зародилось смутное подозрение, что дядя на этом не успокоится. Так потом и вышло: Тихоновы преподнесли нам телевизор, что, впрочем, весьма пригодилось – Катя не представляла себе жизни без этого агрегата.

Свадьба была шумная, веселая – гуляли чуть ли не всей улицей. Я до сих пор не знаю, сколько точно человек было на нашем празднике. На другой день гостей поубавилось; среди ряженных «второго дня» с удовольствием опознал и несколько человек из моей газеты...

Через неделю Катя уехала. Сначала мы сошлись на том, что она будет, как и прежде, жить пять дней в общежитии, а возвращаться лишь на выходные. Но уже через неделю я затосковал по ней, и на семейном совете было решено, что оставаться в городе она будет только первые три дня, а в четверг и в пятницу приезжать в Сурское. О переводе на заочное не могло быть и речи: Катя хотела доучиться поскорее, чтобы «не висеть на шее». Я хоть и возражал против этого ее аргумента, но считал, что наш брак не должен мешать ее учебе – тем более что к этому вопросу очень серьезно относились Катины родители. Ее отец был вообще немного «зациклен» на образовании и статусе, который «дает образованность». «Никакой “заочки”! Учеба должна быть очной – только тогда можно стать настоящим специалистом!» – так мне передавала его слова Катя.

День шел за днем. Бесконечные осенние вечера тянулись, как серые облака – до самого горизонта. На работе и дома я думал только о своей жене – и едва мог дожидаться четвергового вечера. Когда она приезжала, я чувствовал себя абсолютно счастливым – мне порой становилось даже страшно от силы этого чувства.

Мысли о кувайском ворожце отошли на второй и даже на третий план. Однако я не жалел об этом, поскольку считал, что мне нужно отдохнуть от данной темы. Дело в том, что чем больше я собирал материала – тем более я «увязал» в нем. Мне было вообще трудно понять то, зачем, с какой целью я так упорно тружусь над сбором сведений о предсказателе. В какой форме я могу представить собранные тексты, кому и для чего они могут понадобиться? Ответа на данный вопрос я не знал, и это беспокоило меня.

Иногда целыми вечерами, когда Кати не было дома, я переслушивал записи, читал уже расшифрованные тексты, всматривался в сделанные фотографии. Идея написать газетную статью об этом отпала как-то сама собой: тема Ерошкина стала слишком дорога мне, и я не хотел «ограничивать» ее газетой.

Катя порой спрашивала меня о том, как продвигается «твой Кузьмич», но я отмалчивался или отвечал что-то неопределенное. Она заметила, что расспросы мне неприятны и со временем перестала вообще говорить со мной про кувайского ворожца. Мне было еще тяжелее от такой перемены, поскольку ее неподдельный интерес к моему увлечению придавал мне силы в исследовании «Ерошкинской темы».

В середине зимы она сообщила мне, что беременна. Это привело меня в такую эйфорию, что я на несколько дней забыл не только о Ерошкине, но даже с трудом вспоминал и о делах редакционных.

– Учебе беременность не должна помешать: мы закончим, когда я буду только на седьмом месяце, – самонадеянно сообщила мне Катя. Я, было, попытался подвергнуть сомнению ее оптимизм и даже предложил перевестись на заочное обучение. Однако Катя отвергла эту идею почти с негодованием: «Осталось каких-то полгода! Прорвемся!..».

Глава 7. Приближение второе

Я стоял напротив его могилы вместе с тетей Сашей.

– Видишь, какой у него строгий взгляд? – она кивнула на фотографию, прикрепленную к простому неказистому памятнику в форме расширяющейся книзу трапеции зеленого цвета. – Глаза у дедушки действительно были такие, что мало кто мог смотреть на него долго: невольно отведешь взгляд в сторону. А вот рядом – баба Маша, его вторая жена. А вот это, – моя собеседница показывает рукой на крест неподалеку, – Ирина, моя сестра. Она тоже обладала даром – людей лечила.

Я всматриваюсь в лица умерших. «Почему же эти в общем-то чужие люди стали мне чуть ли не родными? Неужели только необычные способности Ерошкина меня так привлекают?» – спрашиваю я в очередной раз себя, пока моя спутница крестится и протирает платочком фотографии на памятнике.

Надо сказать, что сверхъестественное всегда вызывало во мне неподдельный интерес. Я никогда не сомневался в том, что человек обладает

такими способностями, о которых мало что определенного может сказать, к примеру, современная медицина или психология.

За время журналистской работы я встречался со многими из тех, кого называют «целителями». Длительные беседы, в которых эти люди «презентовали» не столько свои способы лечения, сколько просто рассказывали о себе, позволили мне со временем установить одну закономерность. О ней, кстати, вспомнила и тетя Саша, когда мы с ней возвращались с кувайского кладбища.

– Первые дети у Кузьмича умирали: до пяти лет доживут – и все. Вот тетку мою, мамину старшую сестру, в церковное окно выносили из-за этого.

– Зачем? – любопытствую я.

– Как же – чтобы дети не умирали, во время службы их выносят не через дверь, а через окно. И вот с теткой так сделали – и все, дальше у Кузьмича дети пошли. И моя мама потом уж родилась, – поясняет мой «экскурсовод».

В биографиях фактически всех «экстрасенсов» – то есть людей, которым приписывались необычные способности, почти всегда встречались какие-либо трагедии по судьбе. Очень часто это было связано с «ударом» либо по здоровью, либо по их потомкам. Исключений я еще не встречал.

– А вот расскажите об Ирине, вашей сестре. Вы говорите, она могла лечить людей?

– Да, – отвечает тетя Саша, пока мы не спеша приближаемся к селу: она передвигается медленно из-за больных ног. Было время, когда она вообще не могла ходить, но сейчас болезнь, кажется, отступила. – У Ирины руки были – как «рентген». Любую болячку могла определить. Но ее вот из-за этого самого и убили – там в городе. Залезли к ней в квартиру, видимо, думали у нее денег много. А у нее все богатство только и есть, что дети ее. Сейчас вот сиротками растут.

Идем некоторое время молча.

– А ведь мне сны-то какие про нее снились! – оживает вдруг моя провожатая. – Вот будто у нее там, на том свете, дом двухэтажный. Кругом всё зелено, а Ирина такая радостная – стоит на крыльце, меня встречает. Она будто и там продолжает лечить.

– А Кузьмич не снился? – спрашиваю ее, а сам всматриваюсь вдаль – туда, где на окраине села недалеко от высокого тополя скрываются развалины дома Ерошкина. Я снова горел желанием в этот день побывать на заветной Якимовке...

– Как же – снился. В сером пиджачке, сам весь подтянутый, глаза смеются – стоит как раз около своего дома. И говорит: «Сашенька, сбей мне вот постельку!» – помягше чтобы стала, вроде как. Я вот ему постель на том свете сбивала, помогала как-то ему, да, – снова замолкаем. Идем мимо полуразрушенных зданий, принадлежащих бывшему совхозу.

– А ведь он предсказывал – про Кувай-то, – лицо тети Саши снова озаряется внутренним светом, и голос неуловимо меняется – у нее появляется особая интонация, которая всегда сопровождает любой ее рассказ о деде. Она произносит слова так, будто передает нечто очень важное – почти священное.

– Он говорил: на нашем роднике – вот Тихвинский родник-то, где икона явилась, – построят санаторий, а Кувай будет городом. А кто ведь знает: может, оно так и будет? Пройдет лет пятьдесят-сто – и построят! – я согласно киваю в ответ.

Мы приближаемся к ее дому, и садимся на лавочку. Слово за слово, и – незаметно подкрадывается вечер. Я понимаю, что и в этот раз на Якимовку не попаду: уже слишком темно, и ничего толком сфотографировать не удастся.

– Ничего-ничего, еще раз приедешь! – успокаивает меня тетя Саша. Горизонт за деревьями становится темно-красным, синева над деревьями постепенно чернеет. – Вот ведь хотели уехать отсюда с мужем. А утром рано встанешь – березы шумят, кругом и «му», и «бе-е», и петухи кукарекают, и птицы поют. Сядешь на лавку – цыплята облепят, как мамку, – и никуда-никуда отсюда не хочется! Места здесь родные, радостные...

Стало уже почти совсем темно, я засобирался в обратную дорогу.

– Попутку поймаю, – успокаиваю я свою рассказчицу, которая волнуется, смогу ли я добраться до дома: автобусы-то ведь уже не ходят. За моей спиной остается погруженное в темноту село, нечастые избы которого прощально желтеют оконным светом.

Глава 8. Сны и роды

Наверное, в ту ночь, после второй поездки в Кувай, мне и приснился первый сон, связанный с Ерошкиным.

Кузьмич стоял на каком-то зеленом пригорке и смотрел в мою сторону, но так, будто вовсе не замечал меня. Его глаза были почти прозрачны. Во сне я вспомнил о том, что к старости он совсем ослеп, и решил, что именно этим объясняется его странный взгляд. Но тут он поднял руку и поманил меня. Я вздрогнул от неожиданности и – проснулся.

О сновидении я никому не рассказывал и даже попытался забыть его, решив, что приснившееся – всего лишь следствие длительного сосредоточения на одной теме. Однако ровно через неделю сновидение повторилось. Во втором сне Кузьмич смотрел мне прямо в глаза и всё также манил рукой. Что-то мешало мне сразу подойти к нему – ощущение какой-то скованности или даже вязкости сопровождало любое мое движение в сторону ворожца. Зато стоило мне податься назад, как двигаться сразу же становилось намного легче.

Рассказать о приснившемся жене я почему-то не захотел, но при случае поведал обо всем Тихонову. Дядю это весьма озаботило.

– Перестал бы ты, Петь, про этого Ерошкина всех подряд расспрашивать. Вон ведь говорят, что он с нечистой общался – потому и после смерти ему нет покоя, приходит да снится, понимаешь.

– А кто говорит-то? – любопытствую я.

– Кто-кто – люди говорят! – вздыхает дядя и, видя, что я уже выуживаю из сумки диктофон, обреченно машет в мою сторону рукой. – Вон Володька, он сам из Тагая, шофером работал. Вот мне как-то рассказывал. У него батя лежал в больнице, вот как раз в палате с этим Кузьмичом. А он старый-старый был, уж слепой. И вот сдружились они там – ну, больные люди, известно дело: лежи, ешь да болтай. И как-то Ерошкин ему и предложил: «Ты, грит, возьми у меня силу-то мою, вот это знание, значит, – и будешь ворожить, как я!». Ага. А тот напугался. Отказался, мол. А в другой раз слышит: Кузьмич с кем-то будто по ночам перешептывается. Тот, отец-то Володькин, его и стал расспрашивать: с кем ты, мол, по ночам калякаешь? А кувайский отвечает: «Да вот чертям работу даю, а то ведь замучили меня. То канаты из песка заставлю их вить, то воду таскать прикажу!». Вот. Он и отказался – ты что, с чертями-то мороки сколько! – Тихонов смеется, глядя, как я внимательно слушаю его «болтовню».

Вот ведь: никогда не угадаешь, что дядя вспомнит. Иной раз думаю: записал все, что он знает о Кузьмиче. Прихожу в очередной раз – и тот нет-нет да вспомнит что-нибудь еще. Или так по-новому, с дополнительными подробностями и вариантами расскажет уже записанное, что порой хочется включать диктофон еще на подходе к тихоновской избе.

Кстати, совершенно противоположные объяснения «природы дара» Кузьмича (от Бога ли, от черта ли?) встречались мне нередко. Некоторые называли его «хорошенький, божественный старичок», а другие в свое время боялись ходить к нему и отговаривали других: мол, «с чертями якшается – и вам достанется!».

Но в любом случае все знавшие его сходились на одном: дар у Кузьмича был, угадывал он верно.

Мне довелось за несколько лет пристального интереса к Кузьмичу услышать всего четыре рассказа, в которых упоминается о недоверии к Ерошкину или о своеобразной проверке способностей провидца.

Например, одна из кувайских бабушек упоминала о том, что ее дядя с соседом решили подшутить над Ерошкиным и спрятали во время полевых работ его сумку с обедом.

– Наверно, собаки утащили! – так, грубоватым голосом, пытаюсь изобразить мужскую манеру говорить, моя собеседница передавала реакцию Кузьмича на случившееся. Описанием этого случая она ставила под сомнение «всамделишность» способностей Кузьмича: дескать, морочил старик своих посетителей, и всё на этом.

Услышав это повествование, я сразу вспомнил описание другого случая, о котором я услышал в соседней Астрадамовке. Однажды отец рассказчицы,

приехав к Кузьмичу, решил с ним за разговором распить бутылочку (ворожец, кстати, этого дела не чурался).

Они уже выпили половину и тут на что-то отвлеклись. Жена предсказателя, недовольная распитием, улучила минутку и спрятала бутылку.

Через некоторое время мужчины хватились, а водки нет. Понятное дело, начались поиски, закончившиеся безрезультатно.

– Да что это я! – хлопнул тут себя Кузьмич по лбу, прикрыл глаза фуражкой и говорит другу: «Иди-ка посмотри, что там стоит возле печи!». Друг пошел и кричит: «Чугунок пустой! Кверху дном стоит» – «А ты его переверни!» – тот перевернул и, конечно, обрел искомое.

***

Третий сон приснился перед самым рождением Лерочки. Я отвез жену в новый город «на сохранение», – она лежала там уже второй раз. Роды были сложные и затяжные, я волновался жутко. С работы отпросился, ночевал несколько дней у родителей на Верхней террасе. Когда в 5 утра получил от жены смску: «У меня схватки начались!» – помчался на такси к роддому. Я не мог усидеть на одном месте, ожидая хоть какого-то сигнала от Кати. Исходив все окрестности, в конце концов добрал до дальней остановки, сел на первый попавшийся троллейбус и стал «кататься» кругами по Заволжью (благо, в кармане был отцовский проездной).

Телефон жены был недоступен, в отделении трубку никто не брал. Я долго следил за мелькавшими городскими видами и в конце концов, убаюканный гулом двигателя, заснул минут на десять.

Кузьмич стоял совсем рядом. Он взял мою руку, и я почувствовал его слегка прохладную ладонь.

– Лерой назовешь? Всё будет хорошо! – произнес он, слегка улыбаясь. Я не отвечал и лишь по-дурацки кивал головой. Затем послышался отдаленный шум и откуда-то сверху недовольный голос произнес: «Конечная, молодой человек!». Я привстал от неожиданности. Оглядев пустой троллейбус, я быстро вышел и тут только вспомнил про телефон.

«У нас девочка. На 3 кг», – прочитав Катино сообщение, я рванул к маршрутке.

***

Леру я смог взять на руки только через две недели: жену с дочкой перевезли в больницу на Льва Толстого, где ребенка «выхаживали» под стеклянным колпаком. Эти времена я помню смутно – ел, спал, куда-то звонил, что-то делал.

Лишь только когда мне объявили о том, что дело «пошло лучше», «в весе прибавляется» и – наконец-то – о том, что «ваших можно забирать», – я словно проснулся. Мы наняли машину до Сурского, и вечером были уже дома.

***

Становилось холоднее. Ранняя осень превратила поселковые дороги в непролазные топи. Жена и дочка уже спали в соседней комнате, а я машинально просматривал текстовые файлы, которые надо было обработать для послезавтрашнего номера газеты. Как я заснул, не помню, но, судя по нескольким сотням страниц, которые создал мой лоб, удачно примостившийся на «пробеле» клавиатуры, – спал я не менее получаса...

Мы сидели с ним за деревянным столом в полутемной избе, в которой не было ни одного окна. Кузьмич изучающе смотрел на меня почти минуту, а затем спросил: «Куришь?». Я неопределенно повел головой, сам не понимая, что этим хочу сказать. Он кивнул и протянул мне папироску без фильтра. Мы вместе задымили.

– А я ведь уже далеко: двадцать лет – срок-то немалый. Зачем ты это все... затеял? – спросил он, окутанный мягкими, быстро исчезающими клубами дыма.

– Описать хотел... Интересно ведь, – с трудом нашелся я. Он хмыкнул и стряхнул пепел куда-то за стол. Внешний вид его очень напоминал тот, какой был запечатлен на фотографии, прикрепленной к зеленому могильному памятнику. Одет он был в свой неизменный серо-черный пиджачок и выцветшие брюки.

– Люди говорят разное, – ты думаешь: наберешь побольше и выйдет ладно да складно? – вновь сказал он. Во сне я даже не удивился тому, что он спрашивает меня примерно о том, о чем я сам неоднократно размышлял. Однако так ясно этот вопрос я перед собой боялся ставить.

– Может, меня только рассказы, ну, тексты эти записанные и интересуют! – высказал ему свое «оправдание» – то, которое придумал себе достаточно давно.

Ерошкин опять хмыкнул в ответ; откуда-то на голове у него образовалась кепка. Еще секунду назад ее там не было.

– Ворожить мне будешь? – недоверчиво поинтересовался я. Он кивнул, надвинул ее себе на глаза и...

Я оторвал голову от клавиатуры и пошел чистить зубы на сон грядущий. На лбу красовался красный, как боевой шрам, след от «пробела». Устроившись на соседнюю от моих «девчонок» кровать (Катя спала вместе с дочкой), я долго пытался заснуть, но мысли снова и снова возвращались к сновидению.

В итоге я почти уверил себя, что, судя по содержанию, увиденный только что сон – не что иное, как «проекция моего бессознательного», точнее – очередное следствие моей сосредоточенности на одной теме. Быть может, также сказался стресс последних дней, связанный с рождением Лерочки.

По крайней мере, для меня было слишком очевидно то, что Ерошкин во сне вел себя и говорил со мной так, как мне бы «хотелось» – или, точнее, так, как я себе мог это вообразить – основываясь на той информации, что я уже о нем знал. Иными словами, его интересовали я и мои «изыскания» о нем – этого

вполне достаточно для того, чтобы понять, что сон есть только сон – и ничего больше.

«Чего же больше? – встревожился я вдруг – так, что даже привстал с кровати. – Чем может быть еще сон? Пожалуй, так и до расстройства какого-нибудь недалеко... Может, и вправду бросить все эту «псевдодеятельность»?

Я подумал на эту тему еще с полчаса, а потом решил, что утро вечера мудренее.

***

– Ворожить тебе собрался? – Тихонов сначала расхохотался, а затем затих, закашлялся и замолчал. – Петь, может, я зря тебя сюда затащил, в район-то наш? – он опять помолчал. – Как Катя-то? А Лера? Вот о них и думай, забудь про Кузьмича, слышишь? – дядя был необычайно серьезен. – Где это видано, чтобы мертвые живым ворожили? Не до шуток мне, Петр... Выпьем давай, что ли, а?

Мы налили прошлогоднего виноградного. Марья Игнатьевна принесла нам по тарелке жареной картошки и нарезанного хлеба (беседовали в сенях, чтобы, как выразился дядя, «женских ушей не тешить»). После второго «кубка» Тихонов снова заговорил о сновидении.

– Я тебе как скажу: у меня ведь тоже всякие случаи были. И вот насчет снов этих самых – тоже ведь. Я ведь знаешь, как Марью-то встретил? Предвещанье мне было!

– Это как?

– Как? Да уж доставай, доставай свою машинку эту, я уж привык, что племяш с дядей не слова в простоте – как шпиён, ей-Богу, – Тихонов добродушно заулыбался. Я включил диктофон.

– Сон мне был вещий, понимаешь? Гаданьем всё вышло. У меня бабка была – с мамкиной стороны. Она с нами до самой смерти жила, я ее любил, наверно, больше, чем родителей. Я молодой когда был, она мне и говорит (вот это время такое было – до Крещенья когда): «Лешка, хочешь девку свою увидеть?». А у меня тогда и не было никого особо-то – в клуб на танцы бегал, конечно, но это не то. Я ее спрашиваю: «Какую девку-то?». Она смеется: «Какую девку? Да суженую твою, ряженую!». Я тоже смеюсь, но способ выведал, – у нас так девчонки делали, да я подробностей не знал. Короче, берешь щепки или спички, что ловчее и – колодезь под подушку складываешь. Понял – как? – он показал сложенные в квадрат пальцы обеих рук. – Ну, и всё – слова там эти говоришь – про суженого-то. И приснилась мне Машка! Как она есть, так и вышла – в платке ее, платье, лицо, руки – вся и вышла, как она тогда была. Вот тебе и сон! Верить-не верить – а поверишь! – Тихонов налил нам еще немного самодельного вина.

Он, кстати, был «знатнейшим виноделом», как он сам себя шуточно называл. Вино у него и впрямь выходило хорошее – к нему даже соседи

являлись на пробу. У меня, сколько он ни делился рецептом, такого напитка никогда не получалось: то приторно-сладкое, то слишком кислое.

– А покойники во сне – с ними вообще с опаской надо общаться. Зовут ли, кликают – нельзя ходить за ними. А он, вишь как, манил тебя рукой-то, а ты – и рад-радехонек.

– Да я и не рад, дядь Леш. Все это психология...

– Вот-вот до психологии себя ты точно доведешь-доканаешь, – подтвердил Тихонов.

В общем, я ушел от дяди не слишком довольный собой, почти поклявшись себе, что больше никогда не буду ему «докладываться». Наверное, в этом и была моя ошибка.

Главка 9. Коленька

В то время я познакомился еще с одним человеком, хорошо знавшим Кузьмича. Андрей Петрович был родом из Кувая, но сейчас жил в Сурском.

– Я тогда еще мальчишкой – лет семнадцать, наверно, мне было, – рассказывал он, отвечая на мои расспросы. – В колхозе работал – там с Кузьмичом и подружился. Я у него вроде как учеником стал, полюбил он меня больно. Все говорил, что я на Коленьку его похож – это сын его, он маленький умер совсем.

Кузьмич рассказывал: ярмарка была, а сын-то его просился с ним: «Тятя, мол, возьми меня с собой!». А дождик был – проливной, холодный. И вот Ерошкин-то его не взял: побоялся простынет. А Коля-то так расстроился, что весь день проревел. Вот сердечко у него и зашло, – умер. «Как я, говорит, себя корил! Как плакал! Свету белого невзвидел: уж и мог, говорит, ведь я его спрятать в телеге от дождя!». Мог бы взять его, ага. Да только кто же знал-то...

А у них еще курочки были – и вот Коленька-то одну беленькую любил очень. Так вот: сначала она умерла, как будто и без причины, вдруг как-то. Ага. А там – и сынок его. Видишь, как...

Что удивительно: Андрей Петрович, так хорошо знавший Ерошкина, почти ничего не мог сообщить мне о его легендарных способностях.

– Ну, в селе-то говорили об этом, слышал я. Да только мы с Кузьмичом ни разу про то не толковали. А работали-то долго с ним вместе, да, – кивает Петрович.

Именно эта беседа приоткрыла мне еще одну грань личности Кузьмича: значит, можно было почти ежедневно видеться с предсказателем, дружить с ним и при этом находиться как бы «вне парадигмы» его способностей, не знать о них и не испытывать нужды в самом этом знании. Эта мысль сделала для меня образ Ерошкина как-то еще ближе, роднее.

Глава 10. На Якимовке

От дома Ерошкина действительно ничего не сохранилось. Правда, в зарослях можно еще было различить остатки фундамента; где-то в огороде прятался давно высохший колодец, и повсюду были яблони. Я приехал в Кувай в третий раз в начале мая – как раз в ту пору, когда деревья покрылись нежными белыми цветами.

– Ведь как он любил эти яблони! – вспомнились мне слова тети Саши, которую я решил в этот свой визит не беспокоить: и без того я уже, вероятно, поднадоел ей своими бесконечными вопросами. – Бывалоча, съест у кого-нибудь яблоко – понравится ему вкус и берет от него семечки либо попросит веточку от дерева – и привьет у себя в саду. А как уж старый стал, ослеп совсем – подойдет, бывало, к яблоньке, погладит ее своей шершавой рукой и скажет: «Подруженьки вы мои! Некому за вами-то ухаживать...». Общался с ними, как с людьми, да...

Я прошелся по заброшенному саду, все деревья которого были когда-то посажены рукой Кузьмича, и прикоснулся к толстому стволу одной из яблонь. Затем захотелось сесть на теплую, прогретую весенним солнцем землю, покрытую зеленой мягкой травой. Сняв легкую куртку, я постелил ее прямо возле пригнувшейся мне яблони и уселся спиной к дереву. Было хорошо на душе; дул слабый теплый ветер. Я закрыл глаза, – мне показалось, буквально на минуту.

Почти сразу же что-то едва уловимо изменилось в окружающем меня пространстве. Высохшие прошлогодние заросли травы и кустарника куда-то делись, вокруг сада из ниоткуда возник покрашенный светло-синей краской забор. Направо от меня расположилась изба – самая обычная, с сенями и двумя сараями поодаль.

Я привстал, отряхнул с себя листья и приставшие к штанам травинки. А затем, словно только и ждал появления этой избы, напрямик направился к двери. Она открылась без малейшего скрипа – видно, хозяин хорошо смазывал петли. В доме было светло и чисто. В сенях с левой стороны стоял небольшой стол и старый топчанчик, на котором восседал Кузьмич. Он был в желтоватой, местами выцветшей до белого фуфайке. Перед ним стояла самодельная пепельница, сделанная из какой-то жестянки. Я застал его за попыткой прикурить.

– Отсырело, что ли... Не могу никак. Богат огоньком? Ты ж куришь, я помню, – он совершенно по-детски обрадовался моей зажигалке и пригласил меня сесть с ним рядом на маленькую деревянную табуретку, поверхность которой была покрыта какими-то надрезами.

– Садись, садись, не боись: крепкая табуреточка, я на ней мастерю иногда. Проверенная, значит!

Мы помолчали. Он сделал несколько затяжек, явно получая от этого большое удовольствие.

– Тебе Сашенька что же – не говорила разве? – спросил он вдруг озабоченно. – Я, былоча, ей сколько раз толковал про это.

– Про что? – спросил я и с удивлением услышал свой голос – он показался мне странно искаженным, будто бы чужим.

– Да про что, про что, – Кузьмич заерзал на своем топчане. – Не передается у меня – вот про что. Дар это Божий, понимаешь? Сколько раз уж приезжали сюда. Она не рассказывала, что ли? Ох! – он недовольно крикнул. – И деньги предлагали, и квартиру в городе. Ухаживать, говорят, за тобой будем, пока не помрешь. Ага. Вот уж одолжили! – тут он улыбнулся, и мне от этого стало сразу как-то легче. – Всё только чтобы я передал бы им. А как я передам, ежели это не мое? Это мне дадено, понимаешь?

Я кивнул и потушил докуренную папироску о жестяную банку. Ерошкин несколько секунд меня пристально рассматривал – мне показалось, с каким-то недоверием. Затем он вздохнул и весь как-то обмяк.

– Ведь это крест! Знаешь, какой это крест? Ни минуты покоя не было ведь в жизни моей: и днем, и ночью шли. А там – под дерюгой-то этой, когда закроешься и видишь всё, – легко думаешь? О смерти легко человеку в глаза сказать? Трудно, брат, ох, тяжело. И врал поэтому, врать приходилось, да... А эти, былоча, пришли тогда – помаевские они были, что ли, черт их знает! Ты, грит, про две ямы с зерном скажи, а про третью не смей – голову и тебе, и жене твоейотрежем! А? Вот каково?!

Я вспомнил рассказ его внучки о том, что к Ерошкину однажды пожаловал председатель колхоза вместе с районным участковым. Просили указать, где украденное зерно. А накануне вечером к Кузьмичу заявили воры – предупредили, чтобы не всю правду сказал.

– Угрожали, как же, – продолжает Кузьмич и снова достает папироску. – Я ведь как почувствую, что придут скоро, если недобры кто, – так уходил на Тихвинский или подальше туда, за родник, было у меня там место одно. Про него только я знал да еще лесник – хороший мужик, ты б с ним тоже покалякал...

Он прервался, потому что неожиданно откуда-то из подпола раздался хруст, похожий на треск отсыревших дров, горящих в печи. Изба тут же пропала, а хруст остался и стал приближаться. Я открыл глаза и сразу почувствовал, что замерз: все-таки спать на земле было еще рановато.

– Сан Саныч! – представился мне «автор хруста», когда я пожал ему руку. Я отряхнул куртку и, одев ее, пошел вслед за моим новым знакомцем.

***

– Мы с ним соседи были – самые что ни на есть близкие, – двор в двор жили. Все время бегали к ним помогать – то воды принесешь, то полы помоешь. А Кузьмич-то, бывало, пряник или пять копеек даст нам, детворе-то, ага. А для нас – целое богатство: в кино можно было сходить. У них деньги-то всегда

водились: ведь народ с пустыми руками не придет. Это как к врачу: каждый труд должен быть оплачен, – рассказывает мне тетя Валя Сержантова, супруга Сан Саныча, пока я угощаюсь чаем с блинами.

– А однажды, помнишь – с калошей-то пришел? – напоминает ей муж.

– А-а! Как же, – мы в соседях, у родителей мал мала меньше, а тут – под вечер слышим: грохот, шум, крики! Мужик приехал откуда-то, по-моему, астрадамовский. Снял калошу с ноги и давай Кузьмичу по окнам барабанить! «Сожгу! – кричит. – Сожгу!».

Отец мой вышел и говорит: «Ну, ты его спалишь, а ко мне перекинется – у меня восемь человек детей. Они-то в чем виноваты?». Короче, на силу его уговорил, увел, успокоил. А как вышло-то... В общем, тогда жара стояла страшная, начал хлеб гореть да дома. Вроде как – вредителей искали: кто это, мол, поджигает? И Кузьмич якобы указал на одного – так его чуть не убили по ерошкинской «наводке». И вот он-то с калошей и приходил – отомстить захотел. Да мне кажется, что Кузьмич ничего и не говорил про него, а те придумали, чтоб на кого-нибудь вину спихнуть. А может, и сказал. Кто в этом сейчас разберется-то? Времени-то сколько... – Сержантова замолкает и снова предлагает «приналечь» на блины.

Я вспоминаю слова приснившегося мне Кузьмича о том, что способности – «это крест».

– А лесником-то у вас сейчас кто? – интересуюсь я.

– Сейчас там кто-то молодой – я и не знаю. Мы ведь сами-то в городе живем, а сюда приезжаем, как в «родовое имение» – на лето. Жалко продавать дом: он ведь – как человек близкий, ей-Богу... – тетя Валя обводит глазами выцветшие обои зала, в котором мы трапезничаем. На стенах – старые фотографии. Некоторые из них собраны под одной стеклянной рамкой в своеобразную «композицию» – так, как это обычно делается в селах.

– А Якимовка какая была! – вставляет Сан Саныч. – Дом к дому, зелень, чистота – самая красивая улица считалась в Кувае! Это сейчас все быльем поросло...

– А вот когда Кузьмич-то жив был – лесником кто был? Друг вроде его? – продолжаю я спрашивать. Для меня было очень важно выяснить, имеет ли хоть какое-то отношение к действительности то, что мне приснилось. Или же сон – это только сон?

– Друг? – в задумчивости переспрашивает меня Сержантова.

– Вот они как-то вроде на Тихвинский родник вместе с ним, с Кузьмичом-то, ходили... – делаю я последнюю попытку, уже не надеясь на ответ.

– А-а, так это дед Вася Суворов! – оживляется тетя Валя. – Только он не лесником, а так – на делянках работал. Да, с Ерошкиным они часто ходили на родник, – чистили там лотки, обихаживали все. Вам бы туда, кстати, на родник съездить бы – особенно на Тихвинскую, на праздник. Там наро-оду! Как на Никольской горе! У нас Тихвинская-то когда? – спрашивает она мужа.

– Тихвинская? В июле вроде как... Девятого июля он, праздник-то! – говорит ее супруг, авторитетно звякая ложкой о стакан в попытке размешать мед.

– Вы блины, блины кушайте! Я ведь все утро сегодня возилась, как словно чувствовала, что гости будут... – снова убеждает гостеприимная Сержантова.

Я проговорил с ними не меньше двух часов. Уточнил и адрес Василия Суворова. Оказалось, что живет он теперь в райцентре – чуть ли не на соседней улице от моей избушки.

– Вроде в прошлом году еще жив был. Хороший старичок – ему, наверно, под девяносто сейчас. Но в разуме, в разуме, покалякать может. Глуховат, правда, но его только направить на нужную тему – и он вам все расскажет в подробностях. Память удивительная! – так охарактеризовал Суворова Сан Саныч, протягивая мне на прощанье руку.

Глава 11. Княжуха

Дочка спала по ночам плохо – просыпалась почти каждый час. Молока у Кати не было, так что бутылка с кефиром у нас всегда стояла возле кровати наготове. Иногда Лера бодрствовала полночи напролет. Тогда мы с женой дежурили по очереди.

Непривычная роль отца мало-помалу поддавалась мне; были, конечно, промахи, непонятное раздражение, но было и самое главное – ощущение готовности в любой момент отдать жизнь за дорогих мне существ. И это чувство вдохновляло на творчество, на работу сильнее самого искреннего интереса или специального интеллектуального усилия – моих обычных «стимуляторов» к жизни.

Катя после родов изменилась – и физически, и духовно. Она немного располнела, что, впрочем, ей шло. К моему изумлению, она так быстро и так естественно превратилась из девушки, почти девочки, в жену и мать, что я порою наблюдал за ней, почти замороженный этой удивительной трансформацией...

Чтобы утешить дядю, по весне я занялся своим «приусадебным хозяйством».

– Земле пустовать нельзя – это как-то... даже примета какая-то нехорошая. Ты ее хоть цветами да засади! – говорил мне Тихонов, глядя на мой небольшой огородик.

Он захаживал ко мне не очень часто. Первое, что он делал, еще даже не войдя в избу – осматривал все мое нехитрое хозяйство с явным желанием увидеть что-то новое. Не найдя искомого, он недовольно кряхтел и, присаживаясь на табуретку, говорил:

– Вот я, Петр, понимаю, что ты человек занятой да еще и из города, но избу-то надо в порядок приводить: вам и о кровле нужно подумать, и крыльцо у тебя – без перил. Ты прямо как старушка Лаврентьева, ей-Богу, – та жила всю жизнь

в этой избе и всё говорила: «Зачем мне? Я уж к Богу иду, а ты – крыльцо да крыльцо!». Так и ты! Дождешься – сам приду, сделаю! – угрожал дядя, затем еще некоторое время ворчал, и после мы пили с ним чай, говорили о «политике». Тихонов любил, когда я пересказывал ему районные новости и сплетни, в которых, по его выражению, я был «первый знаток» – «в связи с рабочим положением».

Нашу газету он внимательно прочитывал «от корки до корки» и, если с чем был не согласен – непременно сообщал мне, не важно имел ли я отношение к прочитанному им тексту или нет. Пару раз мы даже с ним распорились из-за этого, но затем я махнул рукой, так как понял, что для дяди обсуждение газеты со мной было чем-то вроде «отдушины» от привычной житейской рутины, и лишать его такого удовольствия было по меньше мере бестактно.

Он и сам служил для меня источником различных новостей и не раз выручал идеей для очередной заметки в нашей районке. Были у него и свои фразы-«пластинки», которые он воспроизводил почти при каждой нашей встрече.

– Вот, Петр, ты сам знаешь: у нас не просто райцентр – к нам ведь сколько на Николу приезжает? И из Мордовии, и из Чувашии, и из Ульяновска! А дорогу-то нашу к Никольской горе видал? Вот ты и напиши про то – про ямы да ухабы!

На это я ему отвечал, что пользы от моей «писанины» в данном случае немного – здесь деньги нужны, тогда и дороги будут.

– Деньги? – улыбался Тихонов. – Да денег у них полно – лопатой не выгребешь. А дел – шиш!

Впрочем, с «политики» мы нередко переходили на более интересные для меня темы: дядя вспоминал молодость, любил рассказывать о селе, где он родился и прожил до «самой армии» (он был родом из Княжухи).

– Вот у нас в Княжухе-то раньше было две церкви – это потому, вроде, что село поделенное было – между двумя хозяевами, управляющими, что ли, – Оболенским и Жилинским. А над ними еще какая-то княгиня была, в Москве жила – поэтому так село и назвали. И мост у нас навесной – до сих пор есть он, кажись. Идешь по нему, а он покачивается, а кругом – зелено, и село видать, – красота! Ты бы съездил туда, посмотрел – не пожалеешь! И мне бы рассказал! – всё соблазнял меня дядя.

И вот как-то на выходных я действительно засобирался на «малую родину» Тихонова.

***

Удивительно, но как только я решил поехать в Княжуху, сразу у нескольких моих знакомых нашлись поручения для меня.

– У них там директор школы – любопытный человек. Можно поговорить, глядишь, и интервью выйдет, – как всегда, немного смущаясь, обмолвилась Светлана, мой главред.

У Кати в этом селе жила подруга, которой нужно было обязательно передать привет; про Тихонова и его мост я уже упоминал. В общем, хочешь-не хочешь, а ехать надо.

И вот таким образом в ближайшую субботу в 11 утра я оказался на остановке с бело-синей надписью «Княжуха». На асфальтовой дороге, на поле, на котором зеленели озимые, в соседней роще – одним словом, повсюду были вороны. Такого числа черных птиц я еще нигде не встречал.

Перейдя трассу, я направился в сторону села, в которое вела неширокая асфальтовая дорога. Княжуха встретила меня памятником Ильичу и выдавшим виды небольшим зданием местной администрации.

Через несколько минут я нагнал женщину лет пятидесяти, которая, к моей радости, оказалась местной учительницей. Она тут же указала мне, где живет директор школы. Однако я отправился к нему лишь через несколько часов, поскольку Антонина Юрьевна оказалась очень хорошей собеседницей.

– Старика кувайского многие из княжухинских знают. Вам бы мама моя о нем много рассказала – это баба Катя Терентьева, она на той улице живет, – учительница показала куда-то вправо. – Мама с его дочерью в больнице лежала.

– Это с дочерью Кузьмича?

– Ну, да. Она, дочка-то, тоже чем-то таким обладала – ворожить, что ли, умела... А вообще – у нас тут Сабуров колодезь есть! На него раньше все ведьмы слетались! Не слыхали про него?

Я, изумленный таким резким поворотом темы, отрицательно покачал головой. Выяснилось, что «колодезь» – местная достопримечательность, о которой знают все – от мала до велика.

– Вот однажды тут у одной муж узнал, что она летает на этот колодезь. Проснулся ночью, видит: жена какой-то пузырек за божницей достала, выпила, превратилась в ворону и – шмыг в трубу! Ну, он, не будь дурень, – вскочил, отпил из пузырька и «очутился, грит, я на Сабуровом колодце». А там – все пляшут, прыгают, кто свиньей, кто птицей, кто собакой – в общем, до утра он там на этот шабаш любовался. А потом, как все закончилось, пошел пешком домой. Дома на него жена: «Мол, ты где по ночам шляешься?». Он ее – за волосы рукой: «Это вот ты где бываешь по ночам? Еще раз увижу, что на Сабуров летаешь – убью собственной рукой!». Ну, и отучил ее: говорят, всё – больше не летала!

Развернутые рассказы на подобный сюжет я еще ни разу не записывал, и, признаюсь, меня это сильно заинтересовало. По словам учительницы, о колодце знают в Княжухе многие.

– Мы с детьми даже исследовательскую работу писали по местным родникам и колодцам. Вот в Сабурове-то вода плохая, ее лучше не пить, там

состав какой-то нехороший, – рекомендует мне Антонина Юрьевна. – Сейчас этот колодезь и не сыскать уж – он весь зарос, только место можно показать.

Далее я попытался найти директора местной школы, но оказалось, что он уехал по делам в город. Это было, в общем-то, мне на руку, так как позволило больше времени уделить беседе с бабой Катей Терентьевой (я отправился к ней, последовав совету моей предыдущей собеседницы). У ней я и остался до самого вечера, поскольку баба Катя – действительно настоящий клад для того, кто интересуется рассказами о сверхъестественном и необычном.

– Этого старика-то кувайского у нас многие знали, ездили к нему, да. А мне вот только с дочкой его Анеткой удалось познакомиться. Как получилось: в больнице вместе лежали, мне пендицит резали, а у ней жировики были – тоже операцию делали. Ну, вот к ней санитарочка одна пристала: «Погадай, мол, да погадай!». Она поначалу отнекивалась, а потом говорит: «Ну, давай карты!». Раскинула и говорит ей: «С парнем этим, про которого думаешь, у тебя ничего не выйдет. Ты матери его денег дала, ну, так вот: она тебе их не отдаст и вас с ним разлучит!». Ну, и все: так потом и вышло! – отвечает на мой традиционный вопрос про Кузьмича моя новая знакомая.

Бабе Кате тогда уже было восемьдесят два. Во время первой нашей встречи она показалась мне моложе лет на пятнадцать своего возраста – красивая, статная, с великолепной памятью. Во второй раз мне с ней удалось побеседовать лишь шесть лет спустя – уже в Ульяновске. Вторая встреча, естественно, совсем не походила на первую: годы властно напоминали о себе – я увидел маленькую, будто высохшую старушку, в которой не сразу признал мою собеседницу из Княжухи...

– Ну, так вот – продолжает баба Катя. – И я тоже набралась смелости и попросила Анетку погадать. А у меня как: у снохи кольцо обручальное потерялось – и никак найти не могли. «Ну, раз такое дело – давай!» – начала тасовать. Я карту вынула, она посмотрела и говорит: «Кольцо твое подняла женщина рыжа – накрыла полотенцем и подобрала! Но она его вам не вернет: продаст кольцо-то!». Ну, все сбылось! Как сказала – так и вышло.

Мы незаметно переходим на другие темы: беседуем о селе – о том, кто в Княжухе на поминках поет-читает; об оборотнях и русалках; о домовых и являющихся мертвецах; наконец, «добираемся» и до Сабурова колодца.

– Этот колодезь мой прадед вырыл. Там работали в поле – вода нужна была, вот и сделали. И вот как-то отец там бороновал, присели обедать возле этого самого колодезя – и вдруг – вихорь поднялся. И ножик – фьють! – и усвистался. Стали искать нож – ну, нет нигде. А на этот Сабуров-то раньше волхуны слетались – со всей округи. Мужики княжухинские у нас одно время ездили на заработки на Украину – так даже и там про наш колодезь знают!

А потом-то отец у одних свой ножик-то и обнаружил: у них Марья-то этим делом занималась – летала туда. Вороной обернется – и только ее видели! –

Терентьева машет рукой куда-то направо – вероятно, в ту сторону, где располагается таинственный колодец.

Я сразу вспоминаю про несметное число ворон, которые встретили меня на автобусной остановке возле села, и – по спине пробегает неприятный холодок.

– А у нас тут ведь не только кувайский ворожил! И в Ольховке был старик, в Помаево был дедушка, и в Моргах старушка. Да и в Васильевке лечила бабушка, – неожиданно начинает перечислять баба Катя.

Уже в самом конце нашего разговора – за кружкой чая – моя словоохотливая собеседница вспоминает, как однажды увидела «инопланетную тарелку».

– Ее пол-Княжухи видали. Я поначалу думала, что это дом на соседней улице загорелся. Побежала туды, а там блестяща, продолговата – зависла над колодцем и вроде как этим лучом воду набирает. Пока я очухалась, она уж пошла над полем – такая белесая, серебриста. А в поле-те Шурка Куракин на тракторе работал, вот он потом рассказывал: «Как прошла она надо мною-то, так трактор и встал – ни туда, ни сюда!». Она потом еще садилась – там за остановкой. Туды потом полсела бегало, след от нее смотреть!

Мне пора. С большим сожалением и неохотой я расстаюсь с моей новой знакомой, сердечно прощаюсь с ней и выхожу на улицу. Небо Княжухи совсем потемнело. Редкие фонари сопровождают мой путь к автобусной остановке.

До сих пор не помню, как, на какой попутке я добрался до Сурского. Навязчивые мысли о конечной цели всей моей работы, связанной с «Ерошкинской темой», снова начали мучить меня.

Глава 12. Одеальце

Ночь. Уже около трех часов. Я хожу из угла в угол небольшой кухонки нашей избы.

– Что же мне со всем этим делать? Все эти бесконечные записи, которые оседают в памяти моего компьютера, забирают мое время, не дают мне жить обычной жизнью – как все... Зачем мне всё это? – спрашиваю я себя вновь и вновь.

Сколько бы раз я ни подступался к записанному – с целью хоть как-то оформить все это, в виде статьи, книги, фильма – как угодно, в какой угодно форме, – всё рушилось и рассыпалось. Все казалось не нужным и уже кем-то сделанным до меня.

– В очередной раз выделить какие-то повторяющиеся мотивы? Создать сюжетный указатель? Сравнить рассказы о Ерошкине с другими – десятками, сотнями текстов о таких же «предсказателях», как он? Да кому это нужно? Кого это заинтересует? Раз это не интересно даже мне! Но как? Как тогда мне поступить?! – снова хождение по кухне, – и уже четвертая чашка кофе.

Меня вырывает из замкнутого круга собственных мыслей плач дочери, и я с каким-то внутренним облегчением спешу в детскую комнату.

– По-моему, у нее зубки режутся, – сообщает мне шепотом Катя. За ужином она говорила мне о том, что у Леры днем была температура, и она вела себя беспокойнее, чем обычно.

Через 15 минут все затихает. Слышны только тиканье часов в зале и похожий на стрекотанье какого-то насекомого звук от старого черного электросчетчика (наследство, доставшееся нам от бывшей хозяйки избы).

– И эти сновидения... – продолжаю я свое хождение по кругу. – Зачем я их выдумываю? Точнее: зачем я их сам себе «транслирую» во сне?

Самое главное, что мучило меня в тот момент – это непонятная бесцельность моих записей о Ерошкине.

– Ведь не могу же я собирать сведения о нем просто ради самого этого «сбора»! А почему бы и нет? Почему цель процесса не может заключаться в самом этом процессе? – я останавливаюсь, размышляю об этом несколько секунд – и снова по кругу.

– Какие у меня претензии, например, к научному изложению? – спрашиваю я и начинаю мучительно морщиться, как от зубной боли. Небольшой опыт написания научных статей у меня был; Ерошкин, конечно, потребовал бы целой монографии. Но сама мысль об этом – о том, что придется прибегать к условностям научного языка, к имитированию «знакомства с историей вопроса», а главное – в итоге создать очередное «научное описание», весьма далекое от того, что мне пришлось услышать и пережить, претила мне и отвращала от самой этой попытки.

Хотя, повторяюсь, для такой работы все, казалось, было готово: материала было море, примерные методы описания известны, было с чем сравнивать и вполне понятно, как организовать само исследование.

Но вся заковыка в том и состояла, что меня не устраивал такой подход в принципе.

– Все собранные мною тексты, записанные интервью и беседы в научном исследовании примут вид безжизненных цитат, приведенных для подтверждения авторских идей или, к примеру, для того, чтобы описать «локальный вариант традиционной культуры». Сам образ человека, Ерошкина бесповоротно исчезнет в такой работе. Даже если я издам сборник текстов, который будет сопровождаться указателем, комментариями, определенным образом структурирован – Кузьмича там не будет и в помине. А будет лишь «типическое лицо в типических обстоятельствах»!.. Что же делать? Бросить все это? Сдаться? – мне было безумно жалко и горестно – будто я собирался забросить не свое «увлечение», а похоронить часть собственной жизни и судьбы.

– «Судьба» здесь, наверное, ключевое слово! – продолжал я терзать себя. – Вот уже почти два года я занимаюсь данной темой, и все это время я чувствую, что живу как бы под «знаком Ерошкина». Моя жизнь и поступки так тесно переплелись с этим человеком, с воспоминаниями и рассказами о нем, что я

даже не знаю, смогу ли я (даже если очень захочу!) оторвать себя от Кузьмича. Вот ведь в чем дело-то!

С некоторым страхом я ждал момента, когда выпитое кофе перестанет действовать и мне придется ложиться спать. Предчувствие нового «ночного свидания» с Ерошкиным пугало меня, хотя я и не мог дать себе отчет, чем именно был вызван этот страх.

Приснился он мне только через два дня. Причем сон случился не ночью, а днем: после очередного интервью по работе я решил забежать домой, чтобы пообедать; сон сморил меня на какие-нибудь 15-20 минут.

Кузьмич сидел на своем топчанчике и что-то шил. Он молча показал мне на изрезанную табуретку рядом с собой. Я послушно сел и стал следить за его ловкими движениями. С левой стороны от него горкой лежали лоскутки материи разного цвета. Он как раз закончил пришивать один из них и взялся за другой. Прошло еще несколько минут в полном молчании.

– Одеяльце себе новое шью, – наконец пояснил он, в очередной раз вонзая большую иголку со вздетой серой ниткой в кусок материи. Снова тишина. В творимое на моих глазах «одеяльце» уже были вшиты лоскутки четырех разных цветов и всех мыслимых конфигураций. Казалось, что тот, кто подготавливал эти куски материала, специально задался целью вырезать их как можно причудливее и разнообразнее.

Тут Ерошкин неожиданно прекратил шить и, посмотрев на меня, поднес получившийся трапециевидный кусок сшитой материи мне прямо к лицу.

– Ну, как пойдет? Нравится? – глаза его смеялись, но вид и голос были строги. Я пожал в ответ плечами.

– А доделать-то всё равно надо! Люди ко мне приходят, а я под одеяло лажу, ворожу, – стыдно под старой дерюжкой на виду у всех лежать. А тут – любо-дорого посмотреть: цветное, яркое. А на ощупь попробуй-ка! – он сунул свой неоконченный труд мне в руки, и я нехотя взял сшитые лоскутки...

– Да это я тебя накрыть хотела, что ты как хватаешь-то его! – улыбается Катя. Она попыталась укрыть меня одеялом и разбудила.

Я вскочил с дивана. Дневной сон слегка взбодрил меня, и, поцеловав на прощанье жену, я побежал в редакцию: сегодня как-никак день верстки!

О приснившемся я вспомнил только за ужином. Мне стало нехорошо и душно в избе, и я вышел во двор. Конец июля выдался прохладным, зато звезды светили насыщенно и ярко – как в августе, во время звездопада.

– И зачем он мне одеяло-то свое в руки сунул? – с тоской подумал я. Очень захотелось рассказать про сон Тихонову, но было уже поздно. Впрочем, я хорошо знал о его возможной реакции: наверняка начнет уговаривать, чтобы я вообще бросил думать про Кузьмича.

– Надо еще раз съездить в Кувай и поговорить с его внучкой. Выложу ей все начистоту – может, посоветует что-нибудь! – решил я, и от этого сразу стало легче. Ночью спал сном праведника.

Глава 13. Дедовский фотоальбом

Поездку в Кувай пришлось отложить. Жену с дочкой положили в больницу, поскольку первые зубки у нее резались очень тяжело – температура доходила до 39. Я сильно переживал и не мог ни о чем другом думать.

После того, как их выписали, мы решили с женой съездить на несколько дней в Москву – «разогнать тоску». Нам и впрямь нужно было отвлечься и отдохнуть – ей от четырех стен нашей избушки, в которых жутко надоело сидеть. Мне – от работы и от всего остального. Лерочку оставили с родителями жены, которые были не прочь повозиться немного с внучкой.

Кате в столице понравилось, а я уже через несколько часов захотел уехать: многолюдье с детства угнетало меня. Правда, мы сумели в эту поездку осуществить давнишнюю мечту – побывали в МХТе, смотрели «Трехгрошевую оперу».

Вернувшись из Москвы, я захотел проведать деда Васю Суворова. После работы я завернул к Тихоновым, для того чтобы уточнить дорогу до его дома (его адрес я подзабыл, хотя Сержантовы мне и называли его).

– Так он же глухой, как пробка! – «порадовал» меня чуть ли не на пороге гостеприимный дядя.

– У него слуховой аппарат есть, может, и услышит чего! Так-то он говорливый старичок-то, – возразила ему Марья Игнатьевна.

Когда дядя меня спросил, зачем он мне понадобился, я попытался увильнуть от ответа, но ничего не вышло.

– Опять, чать, про Ерошкина своего будешь расспрашивать! Он ведь из Кувая, Суворов-то, – высказал догадку Тихонов и тут же по моей реакции понял, что прав. – Знаешь что, Петь, не хотел я тебе про то говорить, но должен же кто-нибудь тебе глаза открыть. Ведь о тебе уже слухи всякие по поселку пошли! Чего только не наслушаешься!

– А ты не слушай! – вдруг снова вставила Марья Игнатьевна. – Наплетут всякого, давай еще сплетен бояться!

– Ну, бояться-не бояться, а к мнению народа прислушиваться надо! – с достоинством отвечивал дядя и обиженно замолчал.

– Да кто говорит-то? – не выдержал я.

– Главное, не кто говорит, а что! – продолжая сохранять важное выражение лица, ответил дядя. – Сплетничают разное. Например, что ты про Ерошкина любопытствуешь совсем не зря – а совсем так, как Ирина...

– Какая Ирина? – я просто остолбенел от неожиданности.

– Да внучка его. Ты не слыхал, что ли?

Я только развел руками.

– Ну, вот, – усмехнулся Тихонов. – Расспрашиваешь-расспрашиваешь, а самого главного и не знаешь. Ирина – она ведь лечила тоже вроде как. А сама в городе жила. И вот, говорят, она приехала как-то в Кувай на могилу дедову и

разрыла ее. Потревожила, в общем. А уж зачем она сделала – кто знает. Говорят, силу его хотела перенять. Ага.

– Так... Так а я-то тут причем? Сплетни-то эти...

Тихонов многозначительно переглянулся с женой, помолчал немного и продолжил:

– Ну, вот и ты, стало быть, тоже так – мол, интересуешься, ходишь, расспрашиваешь – а сам ворожить вроде как хочешь научиться! – дядя еще некоторое время сдерживался, но, увидев мою полнейшую растерянность, не выдержал и от души расхохотался.

– А ты как думал: у нас народ всегда найдет объяснение любому чудачеству! Чуть-чуть отличаешься от других – и хлоп: либо колдун, либо дурак... Ну, ладно, ладно, не принимай так близко! Но слух точно такой есть – сам был свидетелем таких разговоров!

Признаюсь, я уходил от дяди с тяжелым сердцем. Мне никогда не приходило в голову спрашивать себя о том, какое мнение складывается обо мне у ближайших соседей по улице и вообще в поселке. Мои расспросы всегда представлялись важными только для меня самого, и то, о чем думали и что говорили люди после нашей беседы, как-то не слишком заботило меня. А ведь что-то говорили и о чем-то думали...

Два года моего пристального интереса к ворожцу, конечно, не могли пройти бесследно. Однако слава того, кто пытается «перенять силу» у давно умершего предсказателя, была мне весьма не по душе.

Разговор с дядей так огорчил меня, что я решил даже отложить визит к Суворову «на потом» и направился, было, домой, попытавшись выбросить все это из головы. Но, как всегда, мысли мои то и дело возвращались к тому, о чем думать не хотелось, и в конце концов я сказал сам себе: «Если подобные пустяки способны мне помешать, то значит все мои предыдущие занятия и интерес были пустышкой!». Это укрепило мою решимость, и я начал искать дом, расположение которого со вздохом подсказал мне Тихонов.

Дом деда Васи оказался очень похож на мою избушку, так что когда я принялся барабанить в раму окна (меня предупредили, что делать это надо настойчиво и громко), то никак не мог отделаться от ожидания того, что открыть дверь должна Катя.

Стучал я долго, но наконец в избе что-то зашумело, послышался кашель, а затем – звуки шагов. Через несколько минут на пороге показался небольшой белобородый старичок с двумя костылями в руках. Я начал кричать ему чуть ли не в ухо, пытаясь объяснить, зачем пожаловал. Дед улыбался, кивал головой, но было понятно, что совсем не слышал меня. Наконец, басом, который никак не подходил к его тщедушному телу, он произнес:

– Это про пенсию, что ли? Не разберу я, сынок, пошли в дом, игрушку свою нацеплю! – он, перебирая костылями, развернулся, и я последовал за ним.

Когда он вставил наушник, там что-то неприятно запищало, булькнуло, дед Вася удовлетворенно хмыкнул и сказал:

– Думал, что сели эти... батарейки-то, – ан нет! Работает. Да ты садись, говори теперьяча.

– Я к вам побеседовать! – закричал я, наклонившись всем телом вперед.

– Да что ж ты орешь! – деловито заметил дед и снова поправил наушник. – Совсем оглушил. Ты говори тихо да чтоб ясно было. Что ж не побеседовать-то, если человек хороший. Да про что спрашивать-то будешь?

– А вот я в Кувае был – и там мне про Ерошкина рассказывали. Говорят, вы его знали близко?

– Кузьмича-то? – Суворов приободрился и даже приосанился. – Как не знать! Дружили мы с ним. Хороший мужик был.

– А вот расскажите поподробнее о нем.

– Ну, что рассказывать: бывало, в лес ко мне приходил. Я как делянку-то разрабатываю, так мне помощники нужны. Вот он прибежал иногда, помогал. В струбе моем, это лесной струб был, вот в нем ночевал он. Я его и на охоту брал, да только он не слишком это дело любил. «Я, грит, былоча, не люблю, когда зверь иль птица гибнет. Я люблю, грит, чтоб жили все!». Да, вот так говаривал.

Я предположил, что Кузьмич уходил к нему, чтобы спрятаться от своих врагов, но Суворов не согласился с этим.

– Не-е, он прятаться не стал бы. Не такой человек. Просто приходил передохнуть: ведь к нему целыми табунами шастали. Все кому не лень: то топор у них пропадет, то дрова куда-нибудь денутся. Вот, мол, Кузьмич – ложись под одеяло да угадывай! Уставал он, да. «Я, грит, Иваныч (а меня-то – Василий Иваныч), я отдыхать от людей должен. Иначе каюк, грит, мне!». Да, так и сказывал, – дед Василий улыбается воспоминаниям и замолкает.

– А на Тихвинский родник вы с ним ходили?

– Ходил, – соглашается мой собеседник. – Любил он по утрам туда бегать. «Утром, говорит, у нас яд образуется в роту. Вот, былоча, надо его убирать – воду пить натошак. Очищение организма!» – это он сам говорил, да. Мы с ним лотки там налаживали деревянные. Чистили их. Ага.

Суворов задумывается, будто вспоминая что-то, и замолкает надолго. Наконец, боясь, что старик, чего доброго, задремлет, я откашливаюсь и начинаю произносить свой следующий вопрос, но дед Василий прерывает меня.

– Хороший мужик, да. Любил он и это дело, – собеседник едва заметным жестом показывает на горло, – мы с ним, бывало, сядем – так обо всем переговорим. Он и пил, но и закусывал – не так, чтобы рукавом занюхать. Для «скусу», так сказать... А к нему ведь и милиция захаживала, да.

– Проверяли его?

– А чё его проверять? Он и так всю жизнь на учете у них числился. Советоваться приходили. Вот помню сам пересказывал мне: приехали из Ульяновска, а там у них – как их... маниак какой-то. Всякой подлости в

городах-то этих полно... И вот девчонок он значит убивал, сволочь. А Кузьмич им так сказал (накрылся своей ватулой-то): «На пятой девочке Оле остановится, мол. Так и так. Найдут в какой-то канализации...». Так приезжали потом, рассказывали, что все по сказанному и вышло. Вот оно ведь как. Понимаешь? Сила-то есть кака-то! – дед собирает в кулак редкую бородку и замирает.

Не выдержав паузы, я пытаюсь задать вопрос, но опять не успеваю.

– Вот ведь я всегда – и сейчас всё смотрю вот по телику: Ванга там, она тоже вот предсказывала, или еще там кто-то. И вот удивляюсь: ну, эти ученые, сколько они занимаются вот хернёй этой всякой. А такое дело вот объяснить не могут! А? Правильно я говорю? – старик лукаво смотрит на меня смеющимися глазами. – Ведь сила-то есть, есть она, не поспоришь: народ приезжал к нему отовсюду. И угадывал! А объяснить не могут!.. Вот ты зачем занимаешься этим? – застигнутый врасплох его столь непосредственным и прямым вопросом, я глупо улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Вот. Записываешь – значит, интересуешься этим, стало быть. Вот работа у тебя такая – вот и продолжай. Понять ведь это надо, всю эту штуку – где, что и как! – такое дедовское напутствие и непритязательное его объяснение смысла моей деятельности почему-то искренне обрадовали меня.

Мы с ними просидели еще час – говорили о войне (Суворов «гнал немца от Сталинграда до Берлина») и о мире: он полжизни проработал в здешнем совхозе зоотехником.

– Насчет Ерошкина ты даже не сомневайся: это такой мужик был башковитый – вот как я. А меня-то в совхозе знаешь, как звали? Филосуф. С ним и поговорить, и выпить. Вот спросишь его, бывало: «Кузьмич, вот как ты понимаешь политику?». А он ведь со Сталиным самим беседовал! «Вот, грит, сидел с ним бок о бок, как вот с тобой щас сижу, Иваныч!». Это вот когда он в Москве-то был. Да, за ним ведь и КГБ приезжало: совсем хотели его туда забрать, а он отказался!

Эту историю про КГБ я несколько раз слышал уже от некоторых кувайцев и аркаевцев, но про «близость» со Сталиным в беседе со мной еще никто не упоминал.

– А он мало кому про это говорил, – тут же откликается на мой вопрос собеседник. – Ведь тогда время-то какое: не успеешь пикнуть – и посодют. У одной соседка газету с портретом Сталина в туалете увидела – и донесла; так ту и забрали! А потом и саму соседку заодно. Тогда ведь стро-ого было. Ему Марья Николаевна, это супруга его, даже запрещала всю эту политику. Бывало, как услышит от него про Сталина или про Ленина – так и запричитает: «Опять ведь упекут!». Она ведь один раз его уж спасала – тогда полдома заложила, чтоб в Москву за ним поехать, адвоката нанимала, да. Как-то вызволила его тогда, не знай уж, каким макарон. Тогда за колоски и то – сажали! – старик вздыхает и впадает в привычное оцепенение.

Я невольно отвлекаюсь и мой взгляд скользит по стенам избы деда Василия: черно-белые, почти выцветшие фотографии, вставленные в узкие и широкие рамы; большой позапрошлогодний календарь с рекламой минеральной воды; потрескавшиеся обои, через которые проступает еще один серый бумажный слой; по-стариковски аккуратная кровать с занавеской – всё в избе выдает жизнь одинокую, для которой прошлое намного важнее настоящего и будущего.

– Я-то уж девятый год холостой хожу, – словно отвечая на мои мысли, говорит дед Василий. – Катей звали.

Я вздрагиваю.

– Мою тоже... – произношу я неожиданно для себя и тушуюсь. – Тоже Катей зовут.

Суворов кивает и предлагает мне чая.

– Покрепше, конечно, надо бы чего-нибудь достать, да уж мне плохо от нее, от водки-то, а один-то не употребляешь ведь – не алкоголик, чать? – старик тихонько смеется и дает мне указания, как обращаться с его газовой плитой: я вызвался помочь...

***

– А ты ему часом не родственник? – спросил дед, когда мы с ним уселись на кухне за небольшой деревянный стол с потертой скатеркой. – А то как-то похож немного...

От новой выходки Суворова я опять вздрогнул. В мгновение ока я вообразил известные мне фотографии Ерошкина и попытался сравнить с тем, как я сам представлял собственную внешность.

«Ни малейшего намека на сходство: старик ошибается», – решил я, но на всякий случай спросил: нет ли у деда Васи фотографий с Кузьмичом.

– Да где-то одна завалилась, наверное, – обрадовал неожиданной новостью мой собеседник. – Мы с ним как-то щелкались на память. Не знай, найду ли?

Он приподнялся и поковылял в зал, чтобы принести фотографии. Я с нетерпением стал ждать его возвращения, поскольку до той поры в моей коллекции были копии всего трех фотографий известного кувайца.

Дед копошился довольно долго, но наконец принес картонную коробку. Усевшись поудобнее, Суворов извлек из нее свои сокровища: перетянутые резинкой две кипы черно-белых снимков и один зеленый фотоальбом советского образца. Затем он неторопливо стал их разглядывать, и я понял, что до фото с Ерошкиным мы доберемся еще нескоро, – если вообще когда-нибудь сделаем это. Разговорчивый старик принялся пересказывать то, что по ассоциации вызывал у него в памяти тот или иной снимок. Я боялся шелохнуться, чтобы не прервать поток его воспоминаний и указаний.

– Это вот Катя с сыном – вишь, какой курносый? Он в мать пошел. А вот я с нашими доярками, из совхозу. Это в каком же году-то? – дед повертел

«карточку» и, не найдя никаких указаний на этот счет, пробормотал вполголоса. – Шестьдесят третий, наверное!

Он передает мне фото, я кладу некоторые из них на стол и перефотографирую на свой цифровик.

– А это вот брат Федор, он еще в шестьдесят пятом на тракторе перевернулся – шею ему перебило. Тогда и схоронили. На гармошке играл, знаешь как! – фотография в руках снова меняется: дед держит снимки, словно колоду игральных карт, и «раздает» мне воспоминание за воспоминанием. – А вот и Кузьмич! Ну, тут он мелкий, много народу-то.

Суворов отдает мне общую черно-белую фотографию, на которой запечатлены несколько десятков человек. Лицо Ерошкина, указанное дедом Василием, почти незаметно на старом, потрескавшемся снимке.

Я едва успеваю нажать кнопку на цифровике, а дед уже спешит тасовать дальше свою «колоду».

– Это мы на свадьбе чьей-то. Сына, наверно, женил. У него трое – две девчонки и сын. Уж университеты давно покончали. Ага. У меня правнуков только пять штук! – улыбается дед Василий.

Наконец, он замирает, внимательно вглядывается в фото и молча подает мне. Еще до того, как я ощутил пальцами глянцевую поверхность старой фотографии, я почувствовал, как неприятно засосало под ложечкой. По всему телу прошла волна непонятного волнения; голова закружилась, и стены избы заколыхались, как вода от слабого ветра.

Со снимка на меня смотрел молодой человек лет двадцати пяти – в темном пиджаке и при галстуке. Фотография была явно «парадная»; выражение лица мужчины – подчеркнуто серьезное и строгое. До этого я никогда не видел фото молодого Ерошкина, быть может, именно поэтому сходство не было так очевидно.

Форма черепа, небольшая ямочка на подбородке – прямо под нижней губой, нос, расположение бровей, лоб, глаза – всё это не могло быть только самообманом...

«Бог мой! Но почему же раньше... Раньше почему никто не сказал, не обратил внимания?» – потрясенный, я совсем забыл, где нахожусь, и бездумно рассматривал изображение лица молодого Кузьмича, погруженный в собственные мысли.

– Я пересниму? – выдавил я наконец из себя и посмотрел на Суворова. Он отвел глаза от меня и кивнул. Вероятно, он заметил мое необычное состояние. Однако я не мог предположить, что дед так точно определит причину моего волнения.

– Ты ведь родственник ему? Ведь одно лицо, ей-Богу! – дед вдруг размашисто перекрестился. – Царствие тебе Небесное, Иван Кузьмич! – затем он помолчал и начал собирать фотографии в коробку. Я понял, что пора восвояси.

Уже на пороге, когда я на прощанье пожал сухую и прохладную ладонь деда Василия, он посмотрел на меня и снова задумчиво пробормотал вполголоса: «Царствие ему Небесное...».

***

Вечером, после того, как Катя с Лерой заснули, я заставил себя вернуться к сделанным фотографиям. Открыв цифровую копию на компьютере, я еще раз внимательно посмотрел на снимок молодого Кузьмича – и никак не мог понять, что же меня так поразило.

– Ну, есть небольшое сходство – и что? – я почувствовал явное облегчение. – Если долго чем-то занимаешься, в конце концов уподобляешься объекту своего пристального интереса... Но не настолько же! – я почти вслух рассмеялся своей шутке и отправился на боковую, уже не думая о пережитом в доме Суворова.

Глава 14. Гостья из Лавы

Насколько я помню, это произошло недели через две после моего посещения деда Васи Суворова. Я вернулся с работы довольно поздно: нужно было дописать статью о проблемах с водой в нескольких селах. За ужином Катя обмолвилась, что меня искала какая-то пожилая женщина.

– Говорит, что приехала из Лавы – специально, чтобы с тобой увидеться!

– Так ты бы мой сотовый ей дала! – сказал я, зевнув. «Скорее всего, по работе что-нибудь», – решил я про себя и собрался в свою комнату, чтобы отдохнуть.

– Нет, она хотела с тобой лично увидеться – сказала, что придет к нам после семи! – ответила жена и начала убирать со стола.

Меня это не слишком обрадовало, но уже через 10 минут я напрочь забыл обо всех женщинах из Лавы, устроившись на любимом диване с книгой. Через некоторое время дверь приоткрылась и Катя вполголоса сообщила, что «она пришла, ждет тебя». Я быстро привел себя в порядок и вышел в зал. Передо мной стояла дама лет шестидесяти; на голове у нее был цветастый платок. Ее одежда – зеленоватая кофточка и бесформенная черная юбка с цветным подкладом – напомнила мне о чем-то цыганском.

Она быстро и оценивающе взглянула на меня и, поздоровавшись, начала смущенно оглядываться по сторонам. Я понял, что ей хочется поговорить со мной наедине и пригласил в свою комнату, шепнув по дороге жене о «чашке чая».

– Я сама в Лаве живу, но родом из Кувая, – начала она, после того, как мы расположились на диване. Я заинтересованно кивнул, ожидая продолжения. Оказалось, что зовут мою гостью Натальей Высоцкой. Она не стала тратить время на преамбулы и сразу перешла к сути разговора.

– Слышала о вас, что вы ездите везде, интересуетесь необычным... Подумала, что вам любопытно будет... В общем, я лечу людей, нахваталась ото всех помаленьку. Вам это интересно, Петр? – она прервала себя и выжидающе посмотрела мне в глаза.

Я кивнул, подтвердив, что действительно несколько лет езжу по Ульяновской области, записывая о «необычных людях». Затем попросил разрешение включить диктофон. Она согласилась и продолжила.

– Как это все началось: у меня сын маленький серьезно заболел. Я сначала по врачам моталась – то в Ульяновск, то в Саранск. А затем мне посоветовали к бабке одной обратиться – у нас в Лаве жила (я в Лаву-то замуж вышла). Она вмиг его на ноги поставила. И я вот с тех пор заинтересовалась, думала всё: «Ну, как же это возможно-то?». А еще у меня в роду тётка была – ее все «Никудышкой» звали. Говорят, ее чуть живой не схоронили. Заснула она вроде как, а разбудить не смогли... И дышать совсем перестала. Понесли на третий день в гробу на кладбище, а она как встанет – так ее уронили, народ весь в страхе разбежался! Вот после этого она... будущее научилась угадывать, – гостя снова оценивающе посмотрела на меня и замолчала.

Я слушал ее с возрастающим интересом, но все не мог взять в толк, зачем она приехала в Сурское. Неужели только для того, чтобы переговорить со мной? В своей газете я иногда публиковал статьи, основанные на моих записях «о необычном», однако эти тексты были ненавязчивым, популярным и по возможности безопасным для моих рассказчиков изложением некоторой «сути». Другими словами, я старался избегать конкретных указаний на «место действия» и не называл настоящих имен моих информантов.

«Она приехала, чтобы я написал о ней газетную статью? – продолжал размышлять я. – Или чтобы просто рассказать о себе? Это здорово, конечно, но...» – все мои сомнения разрешились буквально через полчаса нашей с ней беседы.

– А потом я сама серьезно захворала. Ко мне каких только шарлатанов не приходило: «Мы тебе поможем, только вот заплати!». Я и не знала, на что решится: обратиться в больницу или же поверить «бабкам». И вот Володька (это муж мой), собрался в Кувейт: он тогда на грузовике хлеб по селам развозил. А у нас ведь там старичок один жил, угадывал больно хорошо, – тут я невольно вздрогнул, и от нее моя реакция не ускользнула; мне показалось, что едва заметная улыбка тронула ее губы, но я не придавал этому значения. – Так вот я по старой памяти попросила мужа заехать к Кузьмичу да узнать у него, как мне поступить. Володька поехал, зашел к нему – они немного были знакомы. Ну, «раздавили» бутылочку, и мой-то уж назад засобирался.

«Что ж ты, – это ему Ерошкин говорит, – забыл, что ли, о чем жена тебя попросила?». Он так и ахнул от удивления! «Скажи ей, чтобы гнала всех этих шарлатанов в шею: «белые халаты» ей помогут!». Ну, и всё: я сразу к врачам в Саранск – у меня по женской части проблемы были...

Высоцкая замолчала и поднесла чашку с чаем к губам. Затем она как бы в раздумье взялась за кольцо на левой руке и принялась слегка вращать его на пальце. Наконец, я решил, что молчание затянулось и задал ей вопрос про Кузьмича – для того, чтобы выяснить, знает ли она еще что-нибудь о нем.

– Как же! – кивнула моя собеседница. – Ерошкин – это уникам, каких еще поискать. Ведь вы знаете, как он свой дар получил?

Я пересказал ей историю, которую не раз слышал от его внучки – про контузию во время первой мировой войны и видении белобородого старика, прикоснувшегося к кудрям будущего предсказателя.

– Не-ет. Я слышала совсем про другое! – возразила гостья из Лавы. – Он сидел в тюрьме, не знаю, почему он туда попал... Ну, в общем, Кузьмич еще молодой совсем был. И вот с ним вместе сидел один старик – он что-то «знал». Они на пару с другим парнем ухаживали за этим стариком. И вот тому умирать пришло время – может, болезнь или еще чего. Старик подозвал их двоих и говорит: «Я вам передам, что знаю, хорошие вы парни! Но поделю, говорит, – ну, стало быть, дар-то этот свой, – поделю!» – одному, это Ерошкину-то, досталась вот эта ворожба (он ведь сам-то не лечил – только направлял к кому-то), а этому второму парню – лечение досталось. Второй потом в Помаево жил – его Борькаевым звали. Не слышали о нем?

Я ответил ей, что про помаевского дедушку тоже слышал. Сейчас Помаево уже исчезло. Как-то раз мне приходилось бывать в этом заброшенном селе, расположенном совсем недалеко от Кувая. От бывшего поселения – со своим совхозом, почтовым отделением, кузницей – в настоящий момент ничего не осталось. Сохранились лишь остатки деревянной церкви да одна покореженная изба. Именно в Помаево Кузьмич нередко посылал своих «клиентов» на излечение – и, по свидетельству многих, делал это не зря.

Версию с обретением дара в тюрьме я также записывал, но обычно говорили об этом туманно, не упоминая деталей. Неудивительно, что я весь просто засветился от такой удачи.

– Так ведь я, Петр... Извиняюсь, как вас по батюшке? Петр Федорович, как раз по этому поводу и приехала... – она сделала многозначительную паузу, и я вдруг ощутил тревогу, которая мгновенно пришла на смену радости от удачной записи.

– Приехали, чтобы рассказать мне про Ерошкина? – спросил я быстро, постаравшись не выдать своего непонятного волнения.

– Не-ет, – уклончиво протянула Наталья. – Чтобы узнать от вас...

– О Кузьмиче?

Высоцкая в ответ неопределенно повела плечами. Я принял это в качестве знака согласия, и начал ей вкратце излагать основные сведения о Ерошкине, записанные мною за время жизни в Сурском.

Она терпеливо слушала меня минут десять, затем вздохнула и перебила меня.

– Петр Фёд... Можно я без отчества? Уже поздно, я боюсь, что мы с вами еще не скоро свидимся: я сегодня ночью у подруги, она здесь живет, в Сурском, а завтра с утра уеду к себе. Приехала я не только, чтобы поговорить о Ерошкине... Скажите, вы не могли бы помочь мне?

– Конечно, если это... в моих силах! – я смотрел на нее, не отрывая глаз, и даже не мог предположить, что последует дальше.

– Дело в том, что... – она говорила медленно, как бы обдумывая каждое слово. – В том, что... у меня стряслась большая беда: пропал внук, ему девятнадцать лет. В милиц... или как там её называют сейчас – в полицию я обращалась, конечно. Заявление у них лежит. У матери его, это дочка моей – настоящий шок. Мы не можем и представить, где он. Перебрали сотни вариантов, искали всем селом, обзвонили кого только можно. Уже десять дней прошло! – тут она всхлипнула и принялась искать в сумке платок. Я сидел, весь окаменев от неожиданности. Ни одной мысли в моей голове не было. Единственное, что я мог делать – это молчать.

Высоцкая вытерла глаза и наконец взглянула на меня.

– Вы так побледнели... Я что-то не так сказала? Вы извините меня, но я сейчас в таком состоянии, что мне не до приличий. Вы сможете... сделать... Ну, сказать мне, где он?

– Но – как?! – выдохнул я. – Я не... Я же не ворожец. Я просто интересуюсь, собираю, исследую... Вы глубоко заблуждаетесь!.. – я не смог усидеть на месте и начал расхаживать по своей комнатухе два шага вперед – два назад. – В конце концов это смешно...

– Это совсем не смешно! – резко оборвала меня посетительница и тоже привстала.

– Послушайте, может, еще чаю? – брякнул я, не зная, о чем говорить в такой ситуации. Она отрицательно покачала головой, но тем не менее снова села на диван.

– Вы понимаете: это мой единственный внук! Мы все просто с ума сходим: жив он или нет? Нам хотя бы это узнать! Ведь вы... можете? – женщина умоляюще взглянула на меня. Я поперхнулся и сделал еще несколько «ходов» по комнате.

– Вы глубоко за-блужда-е-тесь! – отчеканил я. – Не знаю, кто и как именно вам рассказал обо мне, но всё это неправда! Я журналист, учитель – кто угодно, но никак не предсказатель. У меня никогда ничего подобного не было! Никаких способностей – даже намек на это! Вы понимаете?

Она вздохнула и засобиравлась. Я вызвался ее проводить, поскольку уже стемнело. Однако Высоцкая отказалась, отговорившись тем, что идти до ее подруги совсем недалеко.

Когда я вышел вслед за ней на крыльцо, она, поправив платок на голове, обернулась на прощанье в мою сторону.

– Петр... Федорович, если вы все-таки как-то решитесь, то ради Бога – помогите. Внука зовут Сашей – это я на всякий случай... – она махнула в мою сторону рукой, и вскоре ее фигура растворилась в темноте.

После ухода Высоцкой я долго не решался вернуться домой. Захотелось покурить, но идти за сигаретами в избу я не смог себя заставить.

«Вот дожил! Тихонов ведь меня предупреждал, что дело закончится чем-нибудь подобным...» – корил себя я. У меня было какое-то странное настроение в тот момент: с одной стороны, усталость и чувство внутреннего неприятного напряжения все еще не оставляли меня. С другой – мне хотелось смеяться.

«Вот ведь – в ворожцы попал! Скоро проходу не будет от посетителей – совсем как у Ерошкина! Чем же это обусловлено? Что в моем поведении заставило людей думать так обо мне? Неужели только мои расспросы оказали на них такое странное влияние?».

Я размышлял о случившемся почти час – пока Катя не вышла и не загнала меня домой. В итоге я успокоил себя приблизительно таким рассуждением: «Если в обществе есть некая потребность – значит, должен появиться и способ ее удовлетворения. Люди часто сталкиваются с ситуацией неопределенности, с событиями и проблемами, которые не могут быть разрешены обычным способом. Болезни, потери, какие-то испытания – все это выбивает человека из колеи, лишает его чувства контроля над реальностью. Вот тогда люди и ищут помощи у различных колдунов, знахарей и предсказателей – на что не пойдешь, если под угрозой самое важное – здоровье, счастье твое и близких?»

Наверное, Ерошкин в свое время успешно справлялся с этой своей ролью, а после его смерти образовался определенный вакуум, который люди и пытаются заполнить. «Интересуешься – значит, так или иначе сам связан с этим!» – вот и всё, весь нехитрый ход размышлений...».

Кузьмич приснился мне в очередной раз через четыре дня.

Глава 15. Девятый квартал

Помещение было похоже на предбанник. На потемневший стол, за которым мы сидели, лился тусклый свет, пробивавшийся из маленького оконца сверху. Кузьмич с озабоченным видом нарезал хлеб; прямо передо мной возвышалась большая банка с солеными огурцами, справа стояли две рюмки на высокой ножке и бутылка из зеленоватого стекла.

– Ну, чего сидишь? Наливай! – ворчливо сказал он, устраиваясь поудобнее на лавке. Я покорно налил обе рюмки.

– Краев не видишь, что ли? Лей полную! – велел Ерошкин и вдруг нырнул куда-то под лавку. Оттуда он извлек кусок предусмотрительно нарезанного сала, завернутого в чистую белую тряпочку. – Это от Марьи Николаевны! – уже более мягким тоном провозгласил он, и я кивнул.

Мы молча чокнулись рюмками, и Кузьмич с какой-то осторожностью, словно совершая священнодействие, влил в себя всю рюмку. Затем он отломил

кусочек черного хлеба и принялся жевать. Я последовал его примеру и почувствовал, как спиртовая настойка обожгла горло и приятным теплом разлилась по всему телу.

– Сам делал! – похвастался Кузьмич. – Ешь-ешь, ее закусывать обязательно надо, а то желудок сгубишь. Сало, сало бери!

Пока я жевал хлеб с салом, он внимательно посматривал на меня исподлобья.

– Еще? – спросил он. Я попросил чуть повременить.

– Что мало употребляешь? Оно правильно. Тут меру надо знать! – сказал он и, снова откупорив бутылку, налил по полрюмки каждому. – Друзья-то – они разные бывают. Особенно под этим делом! – он взглядом указал на спирт. – Знаешь, может, и не друзья они ему вовсе были – а так, собутыльники. Черт! – Кузьмич вдруг грохнул по столу кулаком. – Не умеешь пить – и нечего тогда с этим связываться. Голову-то терять зачем?

Я не мог понять, о чем он говорит, и смотрел на него, почти не шевелясь.

– Ну, что обмер-то? Давай за знакомство? – он с такой же осторожностью, почти с нежностью, небольшими глотками отправил содержимое рюмки по прежнему адресу. Я решил не отставать от него.

– Про Сашку ей скажешь так, – сказал он некоторое время спустя. – Там лес у них, в Лаве-то, он на «кварталы» вроде как разбит, они знают. В девятом, слышь? Девятый квартал – там пусть ищут. А кто это сделал – догадаются и без нас! Понял теперьча?

Я кивнул. Он смотрел мне в глаза, не моргая.

– Жалеешь, что связался? Тут, брат, выбора, может, и не было никакого. Иногда ведь думаешь, что ты выбираешь, а это тебя выбирают... К дяде своему сходи – он расскажет! – Ерошкин тут еще раз с силой ударил кулаком по столу, одна из рюмок подпрыгнула и ударилась о деревянный пол. Послышался неестественно громкий и пронзительный звон бьющегося стекла, он не прекращался несколько секунд, пока я не проснулся и не выключил будильник в сотовом телефоне.

– Сколько уже? – сонным голосом спросила Катя. – Лера спит? Тогда я еще подремлю...

Не слушая жену, я вскочил с кровати и почти бегом бросился в коридор, где лежал блокнот с ручкой. Я быстро записал только что увиденный сон, боясь, что забуду детали.

Через полтора часа я был уже на работе. Колебался я до самого обеда, но затем решил и узнал у коллег, как можно дозвониться до администрации Лавы. Там мне подсказали телефон Натальи Высоцкой.

– Он сказал... – начал говорить я, когда поздоровался с ней, но спохватился и замолчал.

– Что? – с придыханием спросила она; я ощущал ее напряжение чуть ли не позвоночником.

– У вас там кварталы, в лесу. Искать надо в девятом. Больше я ничего не знаю, извините!.. – не в силах далее слушать ее дыхание, то и дело прерывающееся всхлипами, я тихо повесил трубку.

«Зачем я это сделал? – я обхватил голову руками. – Что если все это только бестолковый сон, а люди будут искать, переживать? Господи! Всё-всё! Надо бросать-бросать это дело к черту!».

Прямо с работы я потащился к дяде, понимая, что ничего, кроме «я же говорил тебе!» – от него наверняка не услышу. К моему удивлению, ожидаемый «сценарий» не был реализован. Дядя среагировал на рассказанное мною совсем по-иному.

– Если б это было не твое – ты бы и не стал интересоваться. Забросил бы всё давным-давно. А тут... Девятый квартал, говоришь? Найдут-не найдут, она тебе все равно сообщит. Да-а, – протянул он, и я вдруг понял, что впервые вижу дядю в растерянном состоянии: он нервно теребил усы, несколько раз вставал и садился; затем предложил вина. Я махнул рукой в знак согласия.

– Вот елки-палки! – как-то по-детски провозгласил Тихонов после того, как опустошил полстакана. – Как он тебе там про меня сказал-то? «Иди, говорит, к дяде?». А я ведь, честно слово, не знаю даже, что тебе и сказать, Петь! Верить? Раньше говорил тебе: «Не связывайся, мол! Пожалеешь!». А теперь как я скажу, ежели ты людям помогаешь! А?

Я вздрогнул.

– Чё ж побледнел-то?

– Да не помогал я никому! Еще ничего не ясно. Всё это сны – дурацкие сны, которые у меня вот уже где! – я показал на горло. – Брошу я всё это, дядя. К черту!

– Ну-ну... – Тихонов улыбнулся и подлил мне вина. – Кто же возражает, тут и горячиться нечего. Бросишь – твой выбор, продолжишь дело – снова твое решение. Разве здесь кто вправе указывать?

Я соглашался с ним, потягивал вино, но тревога из души не уходила.

Глубоким вечером, уже когда я был дома, мне позвонили на сотовый – кажется, кто-то из соседей Натальи Высоцкой. Труп ее внука нашли в лесу.

Глава 16. Прощание с Куваем

В тот момент у меня и возник страх перед «Ерошкинской темой», почти суеверное опасение того, что если я продолжу свои расспросы о Кузьмиче – повторится нечто подобное лавинскому случаю.

Однако день шел за днем, неделя – за неделей, и мой страх стал притупляться. Быть может, помогло и то, что я с головой ушел в работу; к тому же подрастала Лерочка – через несколько недель ей должно было «стукнуть» два годика. Ежевечерние прогулки с ней доставляли мне настоящее удовольствие и «отнимали» у меня то самое свободное время, которое я ранее тратил на обработку записанных материалов, связанных с кувайским ворожцом.

Надо сказать, что объем этих материалов был действительно гигантским – многие десятки часов звуковой записи. К тому времени я смог расшифровать лишь половину из них.

После дня рождения дочки у нас произошла первая крупная ссора с женой. Повод для конфликта был пустяковый. Я понимал, что на самом деле причиной Катиного раздражения является ее «нерабочее положение» (это ее дословная фраза). Она нередко сетовала на то, что «сидит у меня на шее». Я, конечно, возражал и напоминал ей, что потерпеть осталось не так много времени – Леру скоро можно будет отдать в детсад. Тогда Катя находила новый повод для огорчения: она сомневалась, что вообще сможет найти себе работу.

– Петь, ведь два года уже прошло после окончания училища – а стажа у меня никакого!

Однажды я предложил ей продолжить образование и поступить в наш педуниверситет. Она в ответ отрицательно покачала головой.

– Это еще несколько лет потерять, а я работать хочу!

– Да кем же? Учителем?

В школу ее особо не тянуло, и это, конечно, тоже создавало свои трудности: нужно было искать работу не по специальности, а это означало не так много вариантов: предложили бы разве что стать продавцом – не более.

После ссоры мы дулись друг на друга дня три, а затем я принялся-таки искать работу для жены.

Устройство ребенка в местный детсад и поиски свободных вакансий – всё это заняло меня приблизительно еще на полгода.

Как всегда, выручил нас Тихонов: в районной администрации образовалась вакансия «специалиста по молодежи».

– Должность не пыльная, но ответственная! – говорил, потирая руки, дядя. – Глядишь, это ее немного образумит, убавит прыти-то. Да и вам – всё помощь в семейный бюджет!

Я и не знал, как его благодарить. А затем наступил октябрь, а с ним – и мой отпуск. Я вытерпел три дня безделья, а потом вернулся к обработке записанных материалов.

***

– Он мне как говорил: «У меня – как в кино!». Под ватулой он когда лежал, у него вот картинками, значит, все там показывало. И он напрямую не говорил – чтоб, так сказать, «в лоб». Нет. Обиняком всё. Вот его спросят там про кого-нибудь, а он начнет описывать: «Вот вижу там человека, с бородой, в рубашке». Или: «Дом, с забором зеленым, рядом – елочка растет». Описывал, да.

А один раз – Кузьмич уж старый был, слепой. Меня мамка попросила ему ногти на ногах постричь. Я взяла его за ногу, а у самой в мыслях-то: «Вот как он угадывает-то?». Я однажды видела: он иногда ногу на ногу клал, и пальцем одной ноги будто страницы перелистывал. И, значит, я сама стригу и сама

думаю про это. И он ка-ак ногой-то мне даст! Я даже охнула. И после этого он мне сказал: «Тебе, Сашенька, этого не надо знать! Крест это тяжелый, не передается у меня!..».

Я в очередной раз переслушиваю запись одной из своих бесед с внучкой Ерошкина. В последнее время меня особенно интересовало описание именно этого момента – подробностей того, как происходил прием «клиентов» Кузьмичом, что и как он говорил, как именно совершался сам процесс «ворожбы».

Сравнение с «кино» мне особенно понравилось – оно было понятно и легко представимо.

«Это словно видения наяву, сны, воплощенные в реальность, совсем как у меня! – сказал я сам себе и тут же прикусил язык. – Нет-нет, вовсе не так, как у меня. Ничего подобного! У меня по-другому».

Я «циклился» на этой мысли, заставлял себя забыть о своем увлечении, но затем снова возвращался к Ерошкину.

За расшифровками я просидел до следующего лета и наконец снова собрался съездить в Кувай – в четвертый и в последний раз. Я решил вновь побеспокоить внучку предсказателя, хотя чувствовал при этом большое внутреннее неудобство. Как выяснилось, у тети Саши уже длительное время серьезно болел муж и отвлекать ее надолго своим разговором было просто кощунством.

До Кувая пришлось добираться на попутках: автобусы в этот «медвежий угол» ходили изредка и в очень неудобное время. Впрочем, как оказалось, это было только на пользу: почти все, кто подвозил меня, так или иначе слышали о Кузьмиче и с охотой пополняли мою коллекцию рассказов.

Один из астрадамовских мужиков, который на своей «Оке» согласился довести меня до Кувая, припомнил, как благодаря Кузьмичу они нашли пропавшего быка. Еще один попутчик поведал, как его бабушка ходила узнавать у Ерошкина о своем муже, пропавшем на войне. В общем, тексты были достаточно типичные, однако меня радовала любая крупинка информации об известном кувайце.

Тетя Саша встретила меня с усталостью в голосе: муж и впрямь требовал неусыпного внимания; несколько раз во время нашей короткой беседы она уходила посмотреть на него. Однако затем она разговорилась, глаза ее заблестели: было видно, что она сама рада отвлечься от горестных мыслей о настоящем.

В этот раз она показала мне новые фотографии с Кузьмичом – из тех, которые все никак не находились в мои прежние посещения. Многие известные мне тексты я записал от нее повторно; это было для меня также важно – для подтверждения некоторых моих научных наблюдений.

Также в эту поездку я собирался посетить местное кладбище; внешней целью было сделать несколько качественных фотографий могильного

памятника Ерошкина, но на самом деле – просто захотелось посидеть на лавочке возле его могилы, поразмышлять да подумать...

Наша беседа с тетей Сашей завершилась чаепитием. Когда мы сидели за столом на небольшой кухне, лицо ее вдруг просветлело, и она сказала: «Подарю я тебе, Петь, на прощанье его рюмочку! Хочешь?». От неожиданности я не нашелся, что ответить. Она открыла буфет и достала граненную рюмку на высокой ножке. Я сразу вспомнил те тысячи алмазных брызг, на которые разлетелась ровно такая же рюмка – в одном из моих сновидений о Кузьмиче.

Хозяйка заботливо обтерла запылившийся подарок полотенцем и поставила передо мной.

– Он пил из нее полжизни, любимая его рюмочка. Уже в старости окунал туда только указательный палец, подносил к губам и говорил: «Былоча, у меня печень не принимает, Сашенька. Хватит – попил за век-то...».

Я с внутренним трепетом прикоснулся к прохладному стеклу: этот подарок был для меня настоящим чудом. Я ощущал себя, словно кэрролловская Алиса, которой вдруг удалось после посещения Зазеркалья, прихватить с собой в нашу реальность свидетельство существования другого мира.

Несмотря на то, что всю беседу с тетей Сашей меня так и подмывало рассказать ей и о сновидениях, и о случае в Лаве, я не решился это сделать. Мне казалось, что такой мой поступок привнесет только излишнюю тревогу в ее сердце – и без того измученное переживаниями из-за болезни супруга...

***

На кладбище меня охватило удивительное состояние: было тихо, как перед грозой. Иван Кузьмич смотрел на меня с фотографии на памятнике задумчиво и уже без прежней строгости, так поразившей меня во время первого посещения. Я закрыл глаза, не думая ни о чем. Мне было так хорошо и спокойно, как, наверное, никогда еще не было. Затворяя за собой кладбищенскую калитку, которая играла, скорее, символическую роль (общая ограда во многих местах прогнила или просто отсутствовала), я думал о том, что времени и смерти действительно когда-нибудь не будет. А может их и сейчас уже нет?

«Ведь сумели мы с ним узнать друг друга, несмотря на то, что он совсем из другого времени – эпохи, которая ушла еще до моего рождения? Наверное, в этом и есть высший смысл поминовения умершего человека – тем самым мы не даем ему полностью уйти в небытие. Тем самым и нечто иное, иной мир приближается к нашему...».

Повернувшись спиной к кувайскому кладбищу, я побрел в сторону выезда из села. Я знал, что мне наверняка придется долго идти пешком: попутки в такое время – редкая удача. Небо потемнело и угрожало проливным дождем; ветер создавал недалеко от асфальтовой дороги маленькие смерчи, и мне приходилось удерживать бейсболку рукой, иначе она улетела бы далеко в поле.

Однако я почти не обращал на это внимания и легко шел вперед. Березовая роща, расположенная рядом с выездом из Большого Кувая, сменилась засеянным полем. Ощущение чуда и радости, которое я почувствовал там, на кладбище, не оставляло меня. Вероятно, именно тогда мозаика собранных текстов наконец-то сложилась в моей голове в какую-то одну, целостную картину – пусть и не совсем законченную.

